

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов по филологии № 7

10 июня 2011 г.

г. Астрахань – 2011

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов по филологии № 7

10 июня 2011 г.

Издательский дом: «Астраханский университет»
2011

УДК 80
ББК 81.00
О 757

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Рецензенты: Е.В. Алымова канд. фил. наук, доцент ЮРГИ,
О.А. Зобнина канд. фил. наук, доцент ВАГС

Редакционная коллегия:

Г.В. Рябичкина (гл. редактор), Н.И. Кривых (зам. гл. редактора),
Л.И. Балашова, Л.Д. Кривых, О.Б. Багринцева

О 757   **Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации** [Текст]: сборник научных трудов по филологии № 7. 10 июня 2011г., г. Астрахань / сост. О. Б. Багринцева. – Астрахань: Издательский дом: «Астраханский университет», 2011. – 74 с.

ISSN 2075-1699

В сборник вошли материалы межвузовских трудов по филологии «Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации», посвященных изучению наиболее актуальных и значимых проблем лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса, лингвистики в начале XXI века, как одного из перспективных направлений, обучения иностранным языкам и др.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

© Багринцева О. Б., составление, 2011
© Коллектив авторов

Содержание

1. Адаева О.Б.	
Новые понятия лингводидактики.....	6
2. Блинова Е.В.	
Образование слов на базе архаичных компонентов фразеологических единиц.....	8 11
3. Бокатина Ю.И.	
О формировании лингвистической компетенции учащихся	15
4. Воронова Е.М.	
Литературный текст в качестве основы коммуникации при обучении иностранному языку.....	19
5. Иванкова И.И.	
Виды пресуппозиций в художественном тексте.....	23
6. Иванченко А. А.	
Доминантные группы концептуальных метафор раннего периода творчества Райнера Мариа Рильке.....	26
7. Иванченко А. А.	
Функции вторичных текстов на примере германской легенды о «Erlkönig».....	30 33
..	
8. Исянгулова Г.А.	
Морфологическая и фонетическая структура подражательных слов в современном башкирском языке.....	38 41
9. Колтунова С.В.	
Категория падежа в грамматике Амбросио де Саласара (1623).....	44
10. Лебедева Е.А.	
Эмоционально-оценочные вводные элементы в англоязычных аналитических медиатекстах	54 59
11. Левчина И.Б.	
Синкритизм, полимодальность и синестезия.....	65
12. Лесников С.В.	
Формализованная компьютерная модель русского.....	67
13. Маркович М.В.	

Особенности профессиональной речи сотрудников пограничной службы Украины.....	70
14. Саятина Н.В. Экспрессия трансформированных фразеологических единиц в публикациях российских журналистов	
15. Сулаева Ж.А. Национально-культурная семантика пословиц кумыкского языка (лингвокультурологический аспект).....	
16. Цой А.И. Деловая переписка на английском языке в аспекте эмотиологии.....	
17. Цой А.И. Эмотивный компонент бизнес-документа (на примере контракта на английском языке).....	

НОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

О.Б. Адаева

Челябинский государственный педагогический университет

По признанию лингвистов, в XX веке наука о русском языке сменила три парадигмы. Первая – лингвистический компаративизм – «выявила и классифицировала основные единицы языка и разработала его уровневую модель». Вторая – системно-структурная – сместила акценты «в сторону выявления всеобщей связи языковых единиц, языка в целом и его отдельных структурных областей». Третья – коммуникативно-прагматическая – объединила теорию номинации, теорию референции и теорию речевых актов, включив в объект исследований речевую деятельность в широком ее понимании [Алефиренко 2009:5–21].

В современной лингводидактике как теории обучения языку также меняется система воззрений на язык: на первый план выходит не классификация языковых единиц в учебных целях, а правила их использования для продуктивной и рецептивной речевой деятельности, «мировоззренческая и культурологическая доминанты» [Дейкина 2003]. Естественно, эти изменения отразились на системе ключевых понятий и соотносимых с ними терминов, функционирующих в лингводидактическом дискурсе. Рассмотрим некоторые характерные процессы.

1. Активное внедрение и использование понятий и терминов таких интегрированных лингвистических наук, как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, теория текста, теория речевой коммуникации, герменевтика: *концепт, артефакт, ассоциативный эксперимент, связность (когезия) текста, текстовые категории, актуальное членение, тема и рема, коммуникация, интенция, коммуникативные стратегии и тактики и т.д.* Межнаучные (межсистемные) понятия, не приобретая специфического лингводидактического значения, становятся базой для создания более

конкретных специальных понятий (и терминов для их обозначения). Межнаучные и новые узкоспециальные термины находятся, по нашим наблюдениям, чаще всего в отношениях деривационной соотнесенности. Ср.: *концептная методика, лингвокультурологические задачи, урок-коммуникация, коммуникативно-деятельностный подход*.

2. Расширение значения хорошо известного понятия (термина), приводящее к появлению производного. Так, например, одним из ключевых в лингводидактическом дискурсе является понятие грамотность. Анализ словарных дефиниций, выполненный И.А. Стерниным [Попова 2003], показал, что грамотность – это 1) умение читать, 2) умение писать, 3) умение читать и писать правильно, не допуская ошибок, 4) умение хорошо разбираться в той или иной области знаний (грамотный инженер, руководитель), 5) умение качественно выполнять какую-либо работу (грамотный чертеж, план).

Традиционно в лингводидактическом дискурсе термином грамотность называли прежде всего грамотность орфографическую и пунктуационную, или практическую. Однако в последнее десятилетие в научных статьях, посвященных проблеме преподавания русского языка, появились терминологические словосочетания *лингвокультурная грамотность* – «выраженные в опорных словах знания во всех сферах человеческой деятельности, позволяющие человеку, читающему текст, адекватно понять неспециальную информацию» [Шкатова 2007]; *речевая и коммуникативная грамотность* – совокупность знаний, умений и навыков, позволяющая эффективно общаться в разных ситуациях, *грамотное чтение*, под которым понимается уже не просто умение расшифровывать буквы и складывать их в слова, а умение ориентироваться в содержании текста, находить информацию, интерпретировать текст, оценивать содержание и форму текста, а также использовать прочитанное в различных жизненных ситуациях [Ковалева 2005]. Функционирование терминов *грамотность* и, например, *лингвокультурная грамотность* в лингводидактическом дискурсе свидетельствует о том, что они находятся в равноправных, а не гипонимических (родо-видовых) отношениях, как следовало бы ожидать, поскольку, повторимся, под грамотностью (без конкретизирующих прилагательных) прежде всего и чаще всего понимается «письмо без ошибок», и только эта дефиниция представлена в словаре методических терминов [Львов 1997:46].

3. Ретерминологизация – перенос готового термина из одной терминосистемы в другую с полным или частичным переосмыслением, что приводит к созданию межотраслевых омонимов. Ср.: *сканирование* в физике – непрерывное сплошное просматривание пространства или объекта при помощи светового или иного луча и *сканирование* в лингводидактике и риторике – вид чтения, быстрый просмотр текста с целью найти нужную дату, фамилию, цитату и т.д.; *эссе* – прозаическое ненаучное произведение, в котором автор в свободной форме излагает личные соображения по какому-либо вопросу, и *эссе* – пятиминутное письменное задание, которое помогает учащимся подытожить свои знания по изучаемой теме.

4. Использование условных (авторских, окказиональных) терминов, как правило, входящих в тематическую группу методов обучения русскому языку («перевод с русского на русский», «лови ошибку», «опрос-кроссворд») или группу организационных форм обучения (урок-загадка, урок-путешествие, урок-викторина). Такие квазитермины экспрессивны и не обладают регулярной воспроизводимостью, хотя могут быть приняты профессиональным сообществом и включены со временем в терминосистему, как, например, *диктант «Проверяю себя»*. Употребление авторских условных терминов для вербализации нового профессионального знания детерминировано не языковыми, а экстралингвистическими факторами: опосредованно (через учителя, читающего научный текст) они адресованы школьникам, а потому лишены строгой научности.

5. Указание на родовой признак нового лингводидактического понятия при отсутствии специального термина. Так, аналитические упражнения по русскому языку – «это упражнения, при выполнении которых преобладает аналитическая деятельность учащихся: наблюдения над языком, виды языкового анализа – грамматический разбор, орфографическое комментирование и пр.» [Львов 1997:20]. Каждое из этих упражнений имеет и свое название, закрепленное в терминосистеме: морфемный, морфологический, синтаксический разборы и под. Аналитическим упражнением по сути своей является и такой вид работы, при котором дети вступают в коммуникацию с автором текста, стараются восстановить авторский замысел, исследуя текст по всем уровням языка [Антонова 2000:7]. Специального названия такое упражнение пока не получило и в лингводидактическом дискурсе функционирует под именем «аналитическое упражнение».

Итак, смена научных парадигм в лингвистике и лингводидактике привела к появлению новых понятий (и соответственно – терминов, многие из которых являются пока условными, авторскими, окказиональными).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта: наука, 2009. – 416 с.
2. Антонова Е.С. Тайна текста: методические рекомендации к рабочей тетради / Е.С. Антонова. – М.: Вербум-М, 2000. – 160 с.
3. Дейкина А.Д. Русский язык как учебный предмет в общеобразовательном пространстве родной культуры / А.Д. Дейкина // Культуроведческий подход: его реализация в школьном и вузовском курсах русского языка: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Посвященной 100-летию со дня рождения академика А.В. Текучева (11–12 марта 2003г.). – М.: МПГУ, 2003. – С.10–15.
4. Ковалева Г.С. Новый взгляд на грамотность / Г.С. Ковалева, Э.А. Красновский // Русский язык. – 2005. – № 14. – С. 2–10.
5. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка /М.Р. Львов. – 2-е изд. – М.: РОСТ, СКРИН, 1997. – 256 с.
6. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – С.153 – 155.

7. Шкатова Л.А. Текстовая деятельность и лингвокультурная грамотность / Л.А. Шкатова // Текст и языковая личность: материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (26–27 октября 2007г.). – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. – С.332–336.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВ НА БАЗЕ АРХАИЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Е.В. Блинова

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

В современном русском языке функционирует немалое количество фразеологических единиц (ФЕ), имеющих архаичную форму или архаичные элементы. В словаре-справочнике лингвистических терминов под редакцией Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой *архаизм* определяется как «устарелые для определенной эпохи, вышедшие из употребления языковые элементы (слова, выражения, аффиксы), замененные другими» [Розенталь, Теленкова 1976].

ФЕ часто служат базой для образования новых слов в языке и речи. На основе ФЕ, имеющих архаичную форму или архаичные элементы в своей структуре, так же могут возникать новые слова, пополняющие лексическую систему языка или функционирующие в художественных произведениях как окказиональные.

Известно, что слова как структурные элементы фразеологизма теряют свои прежние значения: их значения как бы «растворяются» в общем значении ФЕ. В структуре фразеологизмов они приобретают новые «внесистемные» значения, с которыми могут вновь войти в лексическую систему языка [Попов 2010: 160].

Архаичные компоненты ФЕ часто являются «ядром» структурно-семантической модели фразеологизмов и служат деривационной базой для окказиональных словообразований. Рассмотрим способы образования слов, созданных на основе архаичных элементов ФЕ, и особенности их функционирования в художественных произведениях, опираясь на классификацию ФЕ с архаичными элементами, разработанную Р.Н. Поповым.

Одним из способов образования слов на базе ФЕ, является **вычленение**, в результате которого выделенное слово (компонент ФЕ) передает те элементы значения, с которыми соотносилось в составе фразеологизма, или конденсирует семантику производящей ФЕ.

Слова **турусы** и **балясы (лясы)** первоначально имели следующие значения: «осадные башни для взятия крепостей» и «резные или точеные столбики для украшения перил или окон», но с этими значениями они вышли из употребления. Семантический интуитивный анализ ФЕ, в состав которых входят данные слова, позволяет выделить значения, приобретенные словами внутри фразеологизмов: **турусы** – ‘нелепость, вздор’, **балясы** – ‘пустые

разговоры' (ср.: **разводить турусы на колесах** – 'говорить чепуху, вздор, небылицы' и **точить балясы** – 'заниматься пустой болтовней, пустословить'). С этими значениями они функционируют вне ФЕ в художественных текстах:

*«Да и напевай ей на ухо **турусы** сладкие»* (Н. Гоголь. Женитьба).

*«Можно тьму страниц заполнить **балясами** – пусть читатель благоденствует все... Толь строки не затем раскалятся, чтоб потом на них жарились глазуньи!»* (Р. Рождественский. Письмо в тридцатый век).

Еще пример: *«Учитывая нашу обычную издательскую **канитель**, я абсолютно уверен, что если это и будет когда-нибудь напечатано, то только после моей смерти»*. (Н. Шмелев. Последний этаж).

Выделенное слово **канитель** образовано на базе ФЕ **тянуть канитель** – 'медлить, затягивать какое-либо дело, осуществление чего-либо' приобретает значение 'нудное, с проволочками тянувшееся дело'. Став символом медлительности, траты времени по пустякам, это слово, как и другие (**сыр-бор, столпотворение** и др.) вошли в систему русского языка.

На базе библейского фразеологизма **краеугольный камень** ('основа, важнейшая, существенная часть чего-либо') в результате вычленения адъективного компонента образовалось слово **краеугольный** – 'самый важный, наиболее существенный'. Произошло семантическое поглощение субстантивного компонента адъективным, в котором оказалось сконцентрировано значение фразеологизма в целом.

Следующий способ – **аффиксальное словообразование**. Этот способ отфразеологической неологизации представляет собой словообразовательный процесс, где вычленившийся архаичный компонент служит базой для аффиксального образования окказиональных слов. Этим способом образовались слова **канителить, канителиться, разнюниться, турусить, балясник, волынщик** и другие.

Пример: *“[Лариса] почувствовала, что спокойствие ее покидает. Она испугалась слез и, чтобы не **разнюниться**, торопливо встала”* (Кукушкин. Хозяин). На базе зависимого компонента глагольной ФЕ **распускать нюни** ('плакать, ныть, сетовать') в тексте образован глагол **разнюниться** приставочно-суффиксальным способом. Префикс **раз-** передает интенсивность состояния “нытика”. Образованное ОС полностью вбирает в себя значение производящей ФЕ.

*“Чего это ты ночью плел? – начал было Мишка... Что, хватил вчера лишнего, что ли... Чего **турусил-то** ночью? Зачем?”* (В. Шукшин. Генерал Малафейкин). На базе глагольной ФЕ **разводить турусы** ('говорить чепуху, вздор, небылицы; врать') от зависимого архаичного компонента образовано окказиональное слово. Происходит фонетическая компрессия, усиливающая экспрессию. Окказионализм получает то же значение, что и мотивирующая ФЕ.

*“Я это чуял уже раньше. Только **канителелись** и валяли дурака”* (Д. Гладков. Цемент); *“Ладно. Ворчать завтра будешь, а сейчас не **канителиться**. Используешь наблюдательный пункт разведчиков”* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда).

Эти слова не были известны древнерусскому языку, что является свидетельством их более позднего появления в русском языке по сравнению с производящими ФЕ [Попов 2010: 166].

Словосложение с аффиксацией или без нее – еще один способ образования слов на базе архаичных компонентов ФЕ. Здесь значение производящей ФЕ не фокусируется только на архаичном компоненте, а выражается структурно содержательной интеграцией двух и более компонентов ФЕ. Примерами могут служить слова **очковтирание, очковтирательство, злободневный, инакомыслящий, здравомыслящий, христарадничать, христарадный, несиюминутный, спустярукавство** и др. Многие из этих слов уже вошли в систему языка. Некоторые функционируют только в художественных и публицистических текстах: *“Чудесные исцеления...магнетические превращения палочек Коха в витамин ВВ1 с помощью флюорографии и очковтирания...”* (Г. Головин. День рождения покойника). Окказиональное слово **очковтирание**, образованное от глагольной ФЕ **втирать очки** со значением ‘обманывать кого-либо, представляя что-либо в искаженном, неправильном, но выгодном, желательном для себя свете’ несет ту же негативную оценку, что и производящий фразеологизм, приобретая смысл ‘намеренное скрывание недостатков; обман, изображение чего-либо в более выгодном свете, чем есть на самом деле’. Компонент производящей ФЕ слово **очки** этимологически связано с *очи* ‘глаза’ (букв. «маленькие глаза»), является синонимом слова **глаза** (ср. **замазывать глаза, пускать пыль в глаза** – ‘обманывать’).

«Сюда собирались и беглые графа Салтыкова мужики,... и просто юродивые, променявшие хоромное уединение на христарадное подзаборное житье» (Л. Леонов. Дорога на океан). Архаизм **христарадное** образовался на базе ФЕ **христа ради** (‘обращение за милостыней, подаянием’) и имеет значение ‘нищенский’.

Таким образом, словообразование на основе архаичных компонентов ФЕ в русском языке происходит тремя способами: вычленением архаичного элемента, аффиксальной деривацией на базе архаизма (историзма), словосложением. Многие слова вошли в систему русского языка и отражены в словарях-справочниках (некоторые с пометой *устар.*). Некоторые ФЕ с архаичными компонентами являются предметом пристального внимания авторов и служат базой для окказионального словообразования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. – М.: «Азбуковник», 2003. – 400 с.
2. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. Методы исследования фразеологического состава языка. – Орел: ООО «Горизонт», 2010. – 274 с.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

О ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

Ю.И. Бокатина

**Филиал Самарского государственного университета
путей сообщения (Республика Мордовия)**

В последние годы специальные цели обучения русскому языку определяются с позиций компетентностного подхода, поскольку на современном этапе особое значение приобретает использование учеником приобретённых в школе знаний и умений в практической деятельности, повседневной жизни. Как отмечает Т.Б. Михеева, «компетентностный подход рассматривает способы организации такой образовательной системы, которая обеспечивает комплекс требований к наличию профессиональных способностей и умений и совокупность формируемых с его помощью компетенций школьников» [Михеева 2009: 18].

По справедливому замечанию Е.А. Быстровой, введение понятия «компетенция» в методику преподавания русского языка в школе связано с поисками более точного, строгого определения целей обучения, с выявлением уровней владения языком. В настоящее время процесс обучения русскому языку характеризуется направленностью на развитие и совершенствование коммуникативной, языковой, лингвистической и культуроведческой компетенций учащихся [Быстрова 2003: 36-39].

Одним из ключевых положений современной лингводидактики является необходимость смещения акцента с запоминания теоретического материала о специфике языковых фактов к осмыслению их функциональной нагрузки. Поэтому можно утверждать, что в настоящее время в методике преподавания русского языка наметился переход от языковой компетенции к формированию лингвистической компетенции учащихся. Представляется справедливым мнение О.В. Загоровской, отмечающей важность включения лингвистической компетенции в число обязательных составляющих современного языкового образования. Знания, умения и навыки, объединённые понятием «лингвистическая компетенция», лежат в основе интеллектуального развития личности и способствуют развитию сознательного отношения к родному языку [Загоровская 2002]. Н.М. Шанский считал, что совершенствование методики преподавания русского языка невозможно без его учебного описания и педагогически обоснованной адаптации лингвистических знаний, которые позволяли бы построить школьный курс русского языка как предмет, эффективно и экономно решающий проблемы формирования лингвистической компетенции учащихся [Шанский 1993: 4].

При обращении к выявлению сущности лингвистической компетенции следует отметить, что данное явление в методике преподавания русского языка трактуется неоднозначно. В государственном образовательном стандарте

лингвистическая и языковая компетенции рассматриваются в единстве, образуя языковедческую компетенцию [Примерные программы по учебным предметам 2011: 5]. В некоторых случаях понятия «лингвистическая компетенция» и «языковая компетенция» употребляются как синонимичные. Мы придерживаемся точки зрения Е.А. Быстровой, согласно которой, в преподавании русского языка как родного более перспективным является разграничение этих двух типов компетенций. Выделение в качестве самостоятельной лингвистической компетенции важно для осознания познавательной (когнитивной) функции предмета «Русский (родной) язык».

Лингвистическая компетенция представляет собой результат осмысления речевого опыта учащимися. Она включает в себя овладение знаниями о языке как общественном явлении и развивающейся системе, об устройстве и функционировании русского языка, необходимыми сведениями о русистике; овладение умениями и навыками анализа фактов языка, формирование навыков самоанализа и рефлексии [Быстрова 2003: 37-39]. Формирование лингвистической компетенции осуществляется на основе осмысления учащимися лингвистических фактов, понятий, закономерностей и развития у них осознанных учебно-языковых умений и навыков. Так, в работах О.М. Александровой указывается на важность осознанного характера приобретаемых знаний, понимания учеником их функции и способов применения: «Ребенок должен понимать, зачем он изучает, например, фонетику или склонения и спряжения» [Александрова 2002]. Учёным подчёркивается необходимость обновления лингвистической основы курса русского языка. При этом целью современного учебника становится передача целостного представления о языковой системе как средстве, орудии мысли, средстве выражения определённого смысла, средстве отражения внеязыковой действительности языковыми средствами [Александрова 2002].

Следует отметить, что развитие и совершенствование лингвистической компетенции учащихся напрямую связано с формированием у них лингвистического мировоззрения. Выявлению структуры научно-лингвистического мировоззрения учащихся, описанию характера его компонентов, разработке способов его формирования посвящены работы выдающегося учёного-методиста М.Т. Баранова. По его мнению, формирование лингвистического мировоззрения учащихся предусматривает становление их «системы взглядов на язык как объективно существующую коммуникативную систему людей» [Методика преподавания русского языка 1990: 32-33].

В настоящее время в лингводидактике большое значение уделяется разработке методов и приёмов формирования лингвистической компетенции учащихся. К ним относятся: беседа на лингвистическую тему, чтение текстов об учёных-лингвистах и развитии русистики, сообщение, изложение на дискуссионную тему, интервью, познавательные задачи, интеллектуально-лингвистические упражнения, воспроизведение опорного конспекта, творческие задания к конспекту и т.д. (см. работы Н.М. Шанского, М.Т. Баранова, А.Д. Дейкиной, Т.В. Напольновой, Г.А. Бакулиной, С.В. Бобровой, В.Д. Янченко, А.А. Плигина, Л.М. Никитиной и др.).

На наш взгляд, одним из наиболее важных приёмов обучения, способствующих развитию лингвистической компетенции учащихся, является историческое комментирование. Обобщая положения, представленные в концепциях М.Т. Баранова, А.И. Власенкова, В.В. Иванова, С.И. Львовой, А.В. Текучева, Н.М. Шанского и др., мы рассматриваем историческое комментирование как прием обучения русскому языку, основная цель которого – формирование лингвистической компетенции учащихся путем организации их деятельности по выявлению исторического развития лингвистических фактов, понятий и закономерностей. На основе исторического комментирования школьники постигают закономерности языка, делают выводы о его устойчивости и изменчивости в связи с жизнью того народа, который создал данный язык и пользуется им как родным. Ученики понимают механизм происхождения современных лингвистических фактов, понятий и закономерностей. Приведём пример исторического комментирования:

«Очень часто ученики допускают ошибки в написании слова *будто*. Согласный *д* в середине слова и гласный *о* на конце слова являются непроверяемыми. Возникает вопрос: как можно объяснить его написание? Почему в середине слова *будто* необходимо писать *д*, а на конце слова – *о*? Давайте обратимся к истории этого слова, заглянем в его прошлое.

Слово *будто* фиксируется в памятниках письменности только с XVI века. Оно образовано при помощи сложения слова *будь*, повелительной формы глагола *быть*, и слова *то*, указательного местоимения со значением «как». Следовательно, *д* и *о* в этом слове пишут верно. Сейчас союз *будто* используется как синоним слов *как*, *точно*, *словно*, *вроде*».

Таким образом, формирование лингвистической компетенции учащихся способствует приобретению школьниками осмысленных знаний и формированию осознанных учебно-языковых умений и навыков, обеспечивает сознательное отношение к родному языку, развитие интеллекта, логики и познавательной активности подростков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александрова, О.М. Проблема воспитания речевой (коммуникативной) культуры в процессе обучения русскому языку [Электронный ресурс] / О.М. Александрова. – М., 2002. – Режим доступа : <http://www.ruscenter.ru/320.html>. – Загл. с экрана.
2. Быстрова, Е.А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках / Е. А. Быстрова // Русская словесность. – 2003. – № 1. – С. 35–40.
3. Загоровская, О.В. Проблемы содержания программ и учебников по русскому языку в контексте разработки нового содержания общего образования [Электронный ресурс] / О.В. Загоровская. – М., 2002. – Режим доступа : <http://www.ruscenter.ru/319.html>. – Загл. с экрана.
4. Методика преподавания русского языка / под ред. М.Т. Баранова. – М. : Просвещение, 1990. – 368 с.

5. Михеева, Т.Б. Совершенствование профессиональной компетентности учителя русского языка полиэтнической школы : автореф. дис. ...д-ра пед. наук / Михеева Татьяна Борисовна. – М., 2009. – 45 с.
6. Примерные программы по учебным предметам. Русский язык. 5– 9 классы : проект. – М.: Просвещение, 2011. – 112с.
7. Шанский, Н.М. Школьный курс русского языка (Актуальные проблемы и возможные решения) / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1993. – № 2. – С. 3–8.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е.М. Воронова

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Литературный текст явление культуры. Мир, культура, личность представляют в литературном тексте осмысление реальных действий, реальных поступков. Исходя из этого, литературный текст может относиться ко всей совокупности человеческого опыта в целом. Например, в понимании того, каковыми являются этот человек, этот народ, это государство и как могло получиться, что они стали таковыми. Эта грань ЛТ имеет возможность превратить урок с художественным текстом в коммуникативный. В иноязычной аудитории работа с ЛТ имеет две главные методические задачи: одна задача традиционная - лексико-грамматический анализ языка. Другая задача основана на том, что обучение должно быть коммуникативным и в целом должно складываться, как мы считаем, как обучающее общение. Отношение к ЛТ на занятиях по русскому языку как иностранному всегда было неоднозначно, в силу сложности и многоуровневости материала. Однако в «говорящей» аудитории уже есть навыки чтения художественного текста, который порождает у читателя собственные мысли и переживания, желания их высказать на изучаемом языке. Эту ситуацию нужно использовать и развить интерес к проблемам, содержащимся в литературном тексте.

В. Н. Топоров говорил, что есть множество фактов, определяющих текст, одним из них является пространство, а новый текст- это новое пространство. Оно нас пугает. Мы чувствуем себя неуверенно, когда входим в него. Человек привык к старому пространству и пользуется им бессознательно на некоем глубинном уровне.[Топоров 1983: 250]. Для того, чтобы новое пространство

текста стало узнаваемым, преподаватель предлагает первый этап знакомства с текстом.

Конечно, обращение к литературному тексту становится возможным тогда, когда учащиеся умеют воспринимать текст целостно, свободно ориентироваться в нем, выделять среди фактов, изложенных в тексте, наиболее существенные, обобщать их, оценивать, интерпретировать. Достижение учащимися такого уровня зрелости чтения и понимания текста делает возможным постановку задач, которые предлагают методисты Л.С.Журавлева и М. Д. Зиновьева:

-обеспечить перенос на литературный текст навыков и умений, выработанных при чтении текстов, построенных на материале нейтральной речи;

-выработать специфические навыки и умения извлекать из образной ткани текста его художественный смысл, постигать идейно-эмоциональное содержание, понимать подтекст, осознавать функциональную роль лингвистических объектов.

-скорректировать навыки и умения, сформированные на материале родной литературы, с учетом трудностей иноязычного чтения.

Возникающие трудности в понимании текста помогают снять и предтекстовые и послетекстовые упражнения.

Предтекстовые задания решают вопросы устранения смысловых и языковых трудностей понимания текста. Большинство таких упражнений желательно выполнять в аудитории вместе с преподавателем, но преподаватель рекомендует прочитать и перевести текст дома заранее. Если студенты «сильные», можно дать дополнительное задание, например, охарактеризовать героя. В предтекстовые задания выносятся новая лексика. Для того, чтобы глубже проникнуть в ткань художественного текста рекомендуются упражнения на сопоставление слов, близких по значению и многозначных слов одного словообразующего гнезда.

Послетекстовые упражнения направлены всегда на проверку понимания прочитанного текста. После этих упражнений проводится скрупулезная работа над литературным текстом на уроке вместе с преподавателем.

Во-первых, в литературном тексте заложена такая форма восприятия как «пережитое», которая становится переживаемым в той мере, в которой он не просто пережит, но в которой его содержание (переживаемость) обладает особой ценностью, придающей ему непреходящее значение».[Гадамер.1988: 105]. Читательское эмоциональное понимание «чужого» литературного текста формирует сильную эмоциональную человеческую близость и как следствие текст из « чужого» переходит в «не-чужой». Изучать «не-чужое» значительно проще.

Ситуации, возникающие в тексте, служат единицами общения. Например, какова роль случая, обстоятельств жизни человека? Рассматривая сюжет и композицию повести А.С. Пушкина «Выстрел», мы можем выделить несколько блоков таких единиц общения. Предметом обсуждения могут стать различные события личной жизни героев, поступки людей, общественные факты, факты,

которые влияют на других людей, различные понятия, спорные утверждения, массовые мнения, « ненормальное» положение вещей, « ненормальное» поведение и т. д. В данном случае иноязычная культура выступает как часть общечеловеческой культуры и включается в переживаемое как особенность своей системы ценностей, понятной каждому человеку независимо от принадлежности его к той или иной культуре.

В этой связи нужно отметить существенный нюанс. Обсуждая ЛТ как объект культуры в мультикультурной студенческой аудитории, мы должны хорошо понимать, что такой диалог требует взаимопонимания. В этом смысле диалог должен являться не просто реакцией на реплику и представлять собой демонстрацию элементарных навыков и умений в обучении иностранному языку и иллюстрировать прагматический, познавательный аспект, но, как отмечает Е. И. Пассов, должен всегда иметь воспитательное значение, потому что навыки и умения являются целью обучения. А «целью образования является образование (создание) человека как индивидуальности: развитие его духовных сил, способностей, возвышение потребностей, воспитание морально-ответственным и социально приспособленным человеком. Содержанием образования является культура.» [Пассов. 2003: 35.] Откуда возникает это воспитательное значение? Здесь необходимо подчеркнуть, что ЛТ предлагает нам общение не на обиходном, бытовом языке, а на поэтическом, художественном языке, который обладает, как и язык всякого другого искусства, функцией эстетической.

То, что авторский литературный текст содержит в себе значительный потенциал разнообразных коммуникативных возможностей, мы хорошо представляем и используем эти возможности текста. Однако обучение общению может проходить и при решении лексико-грамматических задач в процессе анализа языка текста иностранными учащимися. С этим мы связываем решение другой методической задачи.

Во-вторых, литературный текст может нас волновать, брать, что называется за душу или оставлять равнодушным, не трогать, нравиться или не нравиться. И все это лишь при условии, что мы его понимаем. Наше восприятие литературного текста целиком и полностью зависит от степени его понимания. А правильно понять текст мы можем в том случае, когда мы понимаем язык. Язык – это первоэлемент литературы.

Для нас давно стало очевидным понимать под тексом некоторую организацию знаков, которую можно изучать как самостоятельное явление культуры, как текст жизни. Критика или анализ языка литературного текста может оказаться своеобразным зеркалом наблюдения, в котором мы изучаем сами себя – «свой текст». Ведь, когда мы идем от языка, « наша задача состоит в том, чтобы рассыпать текст, а не в том, чтобы собрать его воедино» [Барт.1994: 24], и, анализируя таким образом, мы создаем реальность, исходя из своего внутреннего потенциала. В таком подходе, безусловно, заложены большие перспективы обучающего общения, так как анализ языка строится на знаниях и умениях в овладении иностранным языком, и на творческих и эвристических возможностях учащихся.

Самыми наглядными примерами в демонстрации коммуникативного лексико-грамматического метода могут служить тексты А.С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Оба писателя экспериментировали с языком: А.С. Пушкин в силу необходимости, создавая новую беллетризованную европеизированную русскую литературу и завершая формирование современного русского языка, а Ф.М. Достоевский сочиняя психологические романы, которые требовали создавать необычные словосочетания, показывающие новые связи, неожиданные повороты сюжета. Мы обратимся к небольшому фрагменту текста Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Как очень точно отмечал Д.С. Лихачев, разбирая язык Ф.М.Достоевского, ход мыслей писателя трудно уловить сразу, потому что некоторые его идеи стараются увести читателя в сторону и создают дополнительные глубины. Эта стилевая особенность писателя заставляет нас разгадывать психологические ловушки не только на уровне композиции и сюжета, но и на уровне языка. «Стиль Достоевского – это стиль, в котором ясно проступает стремление к стимулирующей мысли читателя незаконченности. Это стиль, рассчитанный на то, чтобы провоцировать у читателя свои выводы, заключения и размышления. Достоевский недоговаривает, намекает, выражается как бы неточно и вместе с тем с какой-то поражающей утонченностью. Он заставляет читателя думать и делать свои выводы».[Лихачев 1981: 80].

Обратимся к тексту. «Засима. Как только сподобит бог преставиться мне и уходи из монастыря. Совсем иди. Алеша вздрогнул. – Чего ты? Не здесь твое место пока. Благословляю тебя на великое послушание в миру. Много тебе еще странствовать. И ожениться должен будешь. Все должен будешь перенести, пока вновь прибудеши» [Достоевский 1976: 71].

На первый взгляд кажется, что «и» в первой фразе для понимания смысла ее лишнее, так как «и» не сочетается с «как только». Союз «и» соединяет два простых предложения в сложное и, когда мы произносим его по-русски, у нас происходит маленькая пауза – мы набираем воздух, начинаем все сначала. Если убрать союз, то получится, что после смерти Засимы Алеше нечего делась в монастыре (Так всегда чувствовал Алеша, а Засиме это не нравилось в нем). Кроме того, это связано с одной из главных проблем романа: чуда и веры. Алеша очень любил и верил Засиме. Засима представлялся Алеше как чудо, и без Засимы и монастырь и вера не нужны. Ф.М. Достоевский ставит этот союз, чтобы появилось пространство, чтобы мы сделали маленькую паузу и не связывали смерть Засимы с уходом из монастыря Алеши.

С этой мыслью может быть связана и фраза «Совсем иди». По-русски «совсем идти» сказать нельзя. Здесь нужен глагол «уходить». Эта ошибочное употребление «идти» не имеет категоричности, которая есть в слове «совсем» и сочетается со столь же категоричным «уйти и больше не приходить». Ошибка во фразе содержит и ошибочность в представлении смысла теперешней жизни Алеши. Следующая часть текста заключена между двумя «пока». В начале текста – это наречие, которое обозначает, что в течение некоторого времени Алеша будет отсутствовать в монастыре. Заключает текст второе «пока» - союз, который обозначает «до тех пор как» «вновь прибудеши».

Студенты с помощью вопросов преподавателя, используя словари, строят предлагаемое поле рассуждений, основываясь на языковых и речевых правилах, создавая свой текст. Таким образом, мы, отталкиваясь от сравнительно простых правил языка, речи и текста, переходим к достаточно сложным правилам. Учащийся создает свой текст как продукт речемыслительной деятельности. Здесь мы вторгаемся в область замысла, интеллекта и создаем основу самообразования.

Таким образом, литературный текст имеет особое значение в создании качества коммуникативного пространства. Коммуникативный метод обучения на примере литературного текста демонстрирует последовательное овладение сначала языковым материалом, а затем речью и текстом. Этот метод на базе ЛТ позволяет ближе увидеть отражение предметного мира в языковых формах. В методе присутствуют логические и интуитивные компоненты речемышления и успех его применения заключается в тесной взаимосвязи этих компонентов друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Р. Барт «S\ Z». 1994 М. 24
2. Г. Гадамер Истина и метод. М. 105.
3. Ф. Достоевский Полное собрание сочинений. М. 1976. т. 14. 71.
4. Д. Лихачев. «Небрежение словом» у Достоевского // Литература-Реальность-Литература. Л. 1981. 80
5. Е. И. Пассов Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур. Минск 2003. 35.
6. В. Н. Топоров Пространство и текст // Текст: семиотика и культура. М. 1983. 250

ВИДЫ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

И. И. Иванкова

Волгоградский государственный университет

Проблемы, связанные с типами пресуппозиций в художественном тексте, неоднократно становились предметом исследований лингвистов. Под пресуппозицией в статье понимается фонд общих знаний, обеспечивающих успешность коммуникации. Это общее в сознании коммуникантов, фонд общих знаний, Н. Д. Арутюнова называет «условиями удачи», которые, не входя в языковое значение высказывания, создают почву для его употребления и позволяют ему достигнуть коммуникативной цели [Арутюнова 1973: 88]. Особенности мышления определяют связь информативного содержания предложения не только с его формально-грамматическим устройством, но и с привлекаемыми из прошлого опыта знаниями, в результате использования

которых происходит понимание того, что хотел сказать говорящий, но выразил это косвенным, опосредованным способом.

Ученые отмечают, что пресуппозиции определяют понимание текста, «поскольку текст, создаваемый в определенной социально-культурной среде, отражает ее в своем содержании имплицитно и сам в свою очередь является ее частью» [Нефедова 2001: 38]. Н.Ф. Алефиренко считает, что значительная часть языковых и социокультурных смыслов, конституирующих семантику дискурса, не представлена явно в плане выражения дискурса. Большую роль ученый отводит пресуппозиции, которая находится на пересечении смысловой синтагматики и смысловой парадигматики в процессах порождения дискурса и таким образом оказывается тем фокусом, в котором дискурс соединяется с языком [Алефиренко 2002: 113].

Пресуппозиция является частью семантической структуры текста на его глубинном уровне и вместе с эксплицитным, вербализованным, смыслом, воплощенным в поверхностной семантической структуре текста, «работает» на выражение и восприятие имплицитной, предназначенной для сообщения информации. Восприятие и понимание последней происходит вследствие установления имплицитных отношений между эксплицитным, вербализованным смыслом и актуальными в данном коммуникативном акте пресуппозициями [Лисоченко 1992: 13].

Все возможные пресуппозиции составляют пресуппозиционный каркас дискурса [Звегинцев 1986: 283], пронизывая весь дискурс смысловыми и логическими связями, обеспечивая его связность. Содержание данного пресуппозиционного каркаса включает в себя:

1. фонд общих знаний (вся социально-культурная пресуппозиция),
2. ситуативный контекст дискурса,
3. информацию предыдущих сегментов дискурса.

Классификация пресуппозиций нашла свое отражение в работах многих лингвистов [Звегинцев 1986: 226-248; Лисоченко 1992: 13-15; Нефедова 2001: 40; Исаева 1997: 67 и др.]. Виды пресуппозиций выделяются в соответствии с разновидностями знаний, отнесенными в подтекст. В сознании индивида знания существуют как некое единое целое, как когнитивное образование, которое формируется в ходе интеграции индивида в культурно-социальное пространство и которое представляет собой самоорганизующуюся и саморегулируемую систему, подвижную и изменяющуюся на основе новых данных [Петров, Герасимов, 1988: 7; Алефиренко 2005: 174-176 и др.]. К числу наиболее общих типов знаний относятся знания социальные и индивидуальные, среди социальных знаний различаются философское, экономическое, гуманитарное знание (Залевская 1992: 9), при этом ни один из типов знания не является более важным для процесса понимания, ни одному из них не отдается явное предпочтение (Петров, Герасимов 1988: 6).

В художественном тексте объединены как авторские пресуппозиции и пропозициональные установки, так и пресуппозиции, имеющие культурную обусловленность, поэтому нам представляется возможным выделить следующие виды пресуппозиций:

пресуппозиции текста (текстовые) – соотносят компоненты текста, связывают отдельные его части; сведения, которые составляют данный вид пресуппозиций, как правило, содержатся в ранее данном контексте и обуславливают процесс инференции;

пресуппозиции вне текста (внетекстовые), которые можно разделить на неоперациональные (экзистенциальные, лингвистические, прагматические, коммуникативные, культурологические) и операциональные (логические). Для экспликации скрытых смыслов адресат должен произвести определенные ментальные операции, опираясь на логическую (операциональную) и на одну из неоперациональных пресуппозиций.

При рассмотрении пресуппозиций художественного текста мы выделили культурологические пресуппозиции в отдельный тип, привлекая немецкий язык в качестве фона исследования. Анализ отобранного материала показал, что наибольшие отличия в передаче имплицитного смысла на язык перевода отмечаются в тех случаях, когда речь идет о знаниях, составляющих культурный фонд определенного лингвокультурного сообщества, в который входят знания истории, литературы, географии и т.п., поэтому при переводе возникает необходимость дополнительного сообщения информации, необходимой для адекватной интерпретации исходного текста, т.е. отсутствие у рецептора перевода необходимых фоновых знаний обуславливает эксплицирование подразумеваемого смысла в переводе.

Географические названия могут иметь внутреннюю форму для представителей одной культуры, вызывать у них определенные ассоциации. Так, например, название деревни и острова Матёра, в котором корень и от слова *мать*, и от слова *материк*, символизирует не временное, что исчезнет вместе с краткосрочным поводом для названия, а систему этических ценностей, представляющую собой нечто вечное, прочное, родовое. К Матере «*близко подчаливал другой остров, который называли то Подмогой, то Подногой. Подмога – понятно: чего не хватало на своей земле, брали здесь, а почему Поднога – ни одна душа бы не объяснила, а теперь не объяснит и подавно*» [Распутин 1991: 4]. Немецкий текст снабжен комментарием: **Podmoga = Beihilfe, Podnoga = was unter dem Fuß ist* (Подмога– помощь, поддержка, Поднога – то, что под ногой – И.И.).

Заметим, что прецедентные тексты также способны вызвать уникальную систему ассоциаций в сознании носителей языка:

Так, с поночевщиками, с Симой и мальчишкой, стали держаться вместе уже и не вдвоём, а вчетвером, как в том теремке... [Распутин 1991: 281].

Mit den beiden Logiergästen waren sie jetzt nicht mehr zwei, sondern vier... [Rasputin 1988: 150].

В приведенном примере В. Распутин обращается к русской народной сказке, знакомой каждому русскому человеку с детства. Общеизвестен ее финал, поэтому не случайно использование В. Распутиным ссылки именно на это произведение при описании событий на Матёре. В немецком варианте выделенная часть предложения осталась непереверённой.

Многие исторические факты различных периодов российской истории также часто представляют собой для инокультурного реципиента различного рода лакуны:

Еще пока ели сорный хлебец со снятого осенью урожая, а уже глухая недоброжелательность к новому бригадиру распалась по деревне.

– *Пожарский oprичник.*

– *Хлебец-то для показа с председателем привез. <...> [Тендряков 1990: 143].*

Noch aßen sie das verunkrautete Getreide von der letzten Ernte, aber schon verbreitete sich im Dorf stumme Abneigung gegen den neuen Brigadir.

„*Der Posharer Opritschnik.*“*

„*Brot zum Angucken hat er uns mit dem Vorsitzenden gebracht*“ [Tendrjakow 1989: 113].

Немецкий текст снабжен пояснением **nach der berüchtigten Leibwache von Iwan dem Schrecklichen* (пользующаяся дурной славой личная охрана Ивана Грозного – И.И.), чтобы донести отрицательную оценку жителями деревни действий нового бригадира Сергея Лыкова, которого назначил его дядя, председатель самого сильного колхоза в области.

Таким образом, было установлено, что при переводе возникает необходимость дополнительного сообщения информации, необходимой для адекватной интерпретации исходного текста. Исследование позволило обозначить те зоны культурного пространства, понимание которых вызывает наибольшие затруднения. Это, прежде всего, географические и социальные знания, литературные и исторические аллюзии. Этот факт позволяет говорить о необходимости выделения такого типа пресуппозиций как культурологические в отдельный тип.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394с.
2. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и язык. – 1973. – Т. 32. – №1. – С. 84 — 89.
3. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1992. – 136 с.
4. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 307 с.
5. Исаева Л.А. О лингвистической пресуппозиции и «лингвистическом вертикальном контексте» // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конф., Волгоград, 5– 7 февраля 1997. – Волгоград, 1997 – С. 66 – 68.
6. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты): монография. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 160 с.
7. Нефёдова Л.А. Когнитивно-деятельностный аспект имплицитной коммуникации: монография. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2001. – 151 с.

8. Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5 – 11.
9. Распутин В.Г. Прощание с Матёрой // Повести. – М.: Современник, 1991. – С. 163 – 338.
10. Тендряков В.Ф. // Кончина: Повести. Рассказы. – М.: Известия, 1990. – С. 5 – 225.
11. Rasputin V. Abschied von Matjora. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1988. – 222 S.
12. Tendrjakow W. Das Ableben // Roman-Zeitung. – 1989. – №7 (472). – 176 S.

ДОМИНАНТНЫЕ ГРУППЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР РАННЕГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА РАЙНЕРА МАРИА РИЛЬКЕ

А. А. Иванченко

Оренбургский государственный педагогически университет

Немецкий поэт Райнер Мария Рильке относится к наиболее загадочным и противоречивым поэтам как немецкой, так и мировой литературы. Он жил и творил в переходный период, на рубеже XIX и XX веков. Он жил в эпоху Ф. Ницше, З. Фрейда, Р. Вагнера, Л. Н. Толстого. В искусстве того периода преобладало течение символизм.

Особенностями направления символизма занимались многие ученые. Один из них, Альберт Норт в своей работе «Символизм: его значение и эффект» пишет, что не в малой степени своеобразное звучание и эффект символизма достигается за счет использования метафор и повторов. Конечно, метафоры и повторы являются не единственными средствами достижения своеобразия в символизме. Однако в творчестве Р. М. Рильке во главу угла поставлены именно они. В данной статье мы рассмотрим концептуальные метафоры в творчестве немецкого поэта.

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эрикссон и другие исследователи.

Метафору в современной когнитивистике принято определять как *(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира* [Будаев 2007: 16].

Первыми концептуальную метафору описали лингвист-теоретик Джордж Лакофф и философ Марк Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живем». Основные постулаты данной работы заключаются в следующем:

1. Концептуальная метафора - это не «сокращенное сравнение», не один из способов украшения речи и даже не свойство слов и языка в целом. В представлении современной когнитивной лингвистики, метафора – это одна из основных ментальных операций, это способ познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира.

«Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие. Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф 1987:136].

2. Концептуальная метафора не только воспроизводит фрагменты общественного опыта конкретной культурной общности, но в значительной мере формирует этот опыт.

«Новые метафоры обладают способностью творить новую реальность. Если новая метафора становится частью понятийной системы, служащей основанием нашей действительности, она изменит эту систему, а также порождает ее представления и действия» [Лакофф 1987: 143].

Концептуальные метафоры "являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка" [Лакофф 1987:210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

Проанализировав стихотворения, относящиеся к раннему периоду творчества Р. М. Рильке, мы выделили следующие доминантные группы концептуальных метафор: «Монах-поэт» и «Бог». Данные доминантные группы содержат в себе подгруппы, более точно и полно раскрывающие художественный замысел автора.

Доминантная группа «Монах-поэт»:

Подгруппа «Олицетворения»:

«Ich bin dein Krug», «Ich bin dein Trank», «Ich bin dein Gewand und dein Gewerbe» , «Samtsandale, die ich bin», «Bin ich ein Falke, ein Sturm oder ein großer Gesang», «Und manchmal bin ich wie der Baum, der, reif und rauschend, über einem Grabe den Traum erfüllt», «Ich bin ein Baum vor meinem Hintergrunde», «Ich bin nur einer meiner vielen Munde und jener, welcher sich am frühesten schließt», «Ich bin die Ruhe zwischen zweien Tönen», «Haus»;

Подгруппа «Действия»:

«Ich fasse den plastischen Tag», «Ich kreise um Gott, um den uralten Turm», «Ich kreise jahrtausendelang», «Ich hebe mich aus seiner Wärme», «Verhüllen unsre frommen Hände», «Ich dich mit hartem Klopfen störe», «Ich horche immer», «Dich besitzen (nur ein Lächeln lang)», «Ich lese es heraus aus deinem Wort», «Ich glaube an Nächste», «Dich bilden würde: als Berg, als Brand, als Samum, wachsend aus Wüstensand», «sterben», «verderben», «zerscherben», «Ich dichte zitternd», «Ich schwimme durch alle Dinge», «Ich geige mich auf allen Saiten », «Ich niedersteige in alle Tode»;

Подгруппа «Состояние»:

«Ich habe Angst», «Ich bin froh», «Doch er ist bange», «Ich will keine Qual», «Ich bin müde», «Ich bin der Kräfte unbekümmerter Verbraucher», «Ich bin

unversehrt als unerkannter Taucher», «Ich bin Vertrauender», «Ich bin mit ausgelassenen Augen», «Ich bin mit zugeworfenen Ohren», «Ich bin mit gebrochenen Armen», «Ich bin mit zugehaltenem Herz», «Ich bin mit geschlagenem Hirn», , «Ich bin bange», «Mir zittern die Sinne», «Ich bin ganz nah», «Ich liebe dich mehr als die Flamme, welche die Welt begrenzt».

Доминантная группа «Бог»:

Подгруппа «Темная сторона»:

«Dunkelheit, aus der ich stamme», «Großes Heimweh, das wir nicht bezwangen», «Dunkles Netz», «Er ist Urteil», «Er ist einsamer Schmerz», «Die letzte Huld und der letzte Haß», «Er ist entflohen», «Mein Gott ist dunkel und wie ein Gewebe von hundert Wurzeln, welche schweigsam trinken»;

Подгруппа «Светлая сторона»:

«Dämmernde, aus der der Morgen stieg», «Sanftestes Gesetz», «Lied, das wir mit jedem Schweigen sangen», «Die Silbe im Gesange, die immer zitternder im Zwange», «Der Schlichte, welcher sparte», «Er ist Vater», «Er ist Sinn», «Er ist Gott», «Er ist GruЯе» , «Er ist Brot und Wein», «Er ist Allschauender», «Er ist Alles», «Er ist das Tor», «Er ist Angesichte», «Er ist reife Liebe», «Er ist Alleserfassen»,

Подгруппа «Сущность»:

«Grenzenlose Gegenwart», «Nachbar», «Ding der Dinge», «Wald, aus dem wir nie hinausgegangen», «Der Bauer mit dem Barte von Ewigkeit zu Ewigkeit»

Подгруппа «Внешность»:

«Müde Füßen», «Warmer Blick»;

Подгруппа «Действия»:

«Du verlierst deinen Sinn», «Dein Blick legt sich beim Sonnenuntergange fremden Steinen in den SchoЯ», «Du gehst in Gluten», «Du sagtest „leben“ laut und „sterben“ leise und wiederholtest immer wieder „Sein“», «Du höltst mich seltsam zart und horchst, wie meine Hönde gehen durch deinen alten Bart», «Du gehst wie lauter lichte Rehe».

Доминантные группы концептуальных метафор «Монах-поэт» и «Бог» являются ключевыми в раннем периоде творчества Р. М. Рильке. На взаимодействии и противостоянии данных групп строится его поэтическая картина мира. На протяжении всего раннего периода Р. М. Рильке пытается понять, что же и кто же он для бога. Поэт либо возносит себя к божьему трону, либо опускает себя до грязи Земли; он либо говорит с богом на равных и в панибратском тоне, либо проявляет крайнее подобострастие к нему.

Противопоставляя друг друга, монах-поэт говорит одновременно о тесной и неразрывной связи бога и человека. Да, бог, обладающий высшим смыслом (*dein Sinn*), создал человека. Человек – промысел божий (*dein Gewerbe*), но в то же время бог немислим без человека. Не только потому, что человек – это одежда (*dein Gewand*) и напиток бога (*dein Trank*); человек – это дом (*Haus*), в котором живет бог, и другого дома у него нет.

«Теоретической базой» для Р. М. Рильке в данном концепте служили два противоположных направления: это собирательные образы итальянского (католического) и русского (православного) монахов. Это результат увлечений и путешествий юного Р. М. Рильке. Сюда же следует добавить и то, что этот монах является ещё и поэтом.

Мы предполагаем, что часто в своих стихотворениях монах-поэт олицетворяет себя с сыном божьим, а именно: с Иисусом Христом. Об этом свидетельствует не только доверительная интонация, с которой поэт нередко обращается к богу, но и явные аллюзии к библии. Иисус перед арестом молил бога в Гефсиманском саду избавить его от мучений (*Miß meine Qual*): он признавался, что ему очень страшно (*Doch mir ist bange*), что он устал (*ich bin müde*). Об этом же молит и монах-поэт: повторы данных фраз очень часто появляются в стихотворениях Р. М. Рильке, причем на протяжении всего творчества. Но как Иисус Христос принял свою судьбу, так и монах-поэт смиряется: например, в стихотворении «Страшный Суд».

Исходя отсюда, мы получаем и неоднозначную картину бога. Он то жесток и темен и предстает как карающий бог: это влияние католической религии и против этого термин восстал в XVI веке Мартин Лютер; то он всеблагой, всепрощающий и вселюбящий: явное влияние православной религии и взглядов Л. Н. Толстого, с которым Р. М. Рильке довелось общаться. В любом случае можно уверенно сказать, что поэт избегает крайностей, как в номинации себя, так и бога. Он пытается найти золотую середину, которую он мыслит как смысл жизни.

Однако нередко лирический герой впадает в крайности: иногда мы видим почти безумную самоуверенность лирического героя в том, что, не смотря ни на какие препятствия, даже физические, касающиеся его тела, он придет к объекту своего обожания: богу.

Монах-поэт постоянно борется; он ищет пути к богу. Здесь можно снова провести аллюзии с Мартином Лютером: великий реформатор, прежде чем прийти к своим 95-ти тезисам, находился в жесткой борьбе с самим собой. Он запирает себя в келье, добровольно принимал наказания, чтобы изгнать дьявола из своей души, который мешал ему понять истинный путь к богу.

Монах-поэт Р. М. Рильке не борется с дьяволом, однако общее впечатление от ранних сборников стихотворений, например «Часослова», рисует картину кельи, в которую монах-поэт себя добровольно заточил.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Будаев, Е. В. Становление когнитивной теории метафоры//Лингвокультурология, Вып.1, 2007. – 16-32 с.
2. Жаботинская, С. А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети/ С. А. Жаботинская. – Киев: Мова, 2004. – 119 с.
3. Лакофф, Джон Метафоры, которыми мы живем//Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: 1987. – 220 с.
4. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры/ А. П. Чудинов. – Екатеринбург: 2001. – 238 с.

5. Die Gedichte von Rainer Maria Rilke/Авторский сборник. – München: Insel Verlag, 2006. – 895 с.
6. North, Albert Symbolism: its meaning and effect/A. North. – Cambridge University Press, 1985. – 98 с.

ФУНКЦИИ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ О «ERLKÖNIG»

А. А. Иванченко

Оренбургский государственный педагогический университет

В данной статье мы рассмотрим две важные функции вторичных текстов. Вторичные тексты с древних времен использовались в функции сохранения и осмысления культурного наследия народа, а также для отражения социальной действительности. Первые формы таких текстов носят название «миф». Миф характеризуется тем, что он фиксирует повторяющийся стандартный опыт людей. Так представления о богах и героях, их деяниях, о структуре и законах мира миф превращает в готовое полноценное знание.

Первичными текстами для мифов были предания полудиких племен, которые были записаны и структурированы в качестве носителей знаний. Человечество всегда стремилось запечатлеть свой опыт и культуру, чтобы они были доступны последующим поколениям. Таким образом, создание вторичных текстов можно понимать как направляемое локальным социумом превращение первичных текстов во вторичные для решения определенных задач. Сам вторичный текст можно определить как продолжение, развитие и функция исходного текста [Касавин].

Современное общество может предложить множество форм вторичных текстов, среди которых можно называть школьные изложения, конспекты, рефераты, пародии, киносценарии, римейки на основе художественных текстов, переводные тексты и так далее.

Ряд ученых, например немецкий лингвист Геро фон Вилперт, говорят о таком явлении как «вторичная литература», куда входят все вышеназванные типы вторичных текстов. Область вторичной литературы обширна и на данный момент слабо изучена [Геро фон Вилперт 1989].

В данной статье мы поговорим о двух типах вторичных текстах, которые стали формами сохранения и передачи народной германской легенды о лесном короле. Первая форма – это стихотворение в виде баллады. Среди немецких романтиков рубежа XVIII-XIX веков была очень распространена такая форма обращения к народному эпосу.

Иоганн Вольфганг фон Гёте использовал за основу датскую легенду об Ольховом короле или короле эльфов. При переводе возникла путаница вследствие схожести в немецком языке слов ольха (нем. *die Erle*) и эльф (нем. *die Elfe*). В конечном итоге злой дух у Гёте получил образ Лесного короля.

В наше время одной из самых популярных форм вторичных текстов является песенный жанр. Немецкая индустриальная группа Раммштайн в лице её лидера Тиля Линдемманна часто обращается в своих текстах к немецкому эпосу: не обошли они стороной и легенду о злом духе леса.

Через анализ и сопоставление двух вторичных текстов мы проследим, как изменялся исходный текст легенды. Проводя анализ данных вторичных текстов, мы пришли к выводу, что авторы в обоих случаях стилизовали, «осовременивали», то есть «подгоняли» под своё время взятую за основу легенду.

Нужно учитывать, что для «Dalai Lama» первичным текстом была не только народная легенда, но главным образом баллада «Лесной король» Гёте: таким образом, песня является вторичным текстом сразу двух источников. Отсюда и общие моменты в фабуле текстов.

*«Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?
Das ist der Vater mit seinem Kind
Er hat den Knaben wohl in den Arm
Er fasst ihn sicher, er hält ihn warm»
(Goethe, «Erlkönig»)*

*«Ein Flugzeug liegt im Abendwind,
An Bord ist noch ein Mann mit Kind
Sie sitzen sicher, sitzen warm
Und gehen so dem Schlaf ins Garn»
(Rammstein, «Dalai Lama»)*

Во времена Гёте люди перемещались преимущественно на лошадях («reiten»), самом быстром транспортном средстве того периода; Т. Линдемманн пересаживает лирических героев на самолет («Flugzeug»). Отсюда и различные имена злых духов: Лесной король («Erlkönig») у Гёте и группа синонимов у Т. Линдемманна: Король ветра («der König aller Winde»), Властитель неба («der Herr im Himmel») и Погонщик облаков («der Wolkentreiber»). Это первый пример стилизации первичного текста. Стоит заметить, что даже звучание данных произведений очень схоже.

В обоих текстах события разворачиваются вечером: «Nacht und Wind» у Гёте и «Abendwind» у Т. Линдемманна. Лирические герои в обоих случаях одинаковые – это отец и его сын. Первые строфы обоих текстов не предвещают какой-либо беды.

*«Mein Sohn, was birgst du so bang dein Gesicht?
Siehst Vater, du den Erlkönig nicht!
Den Erlkönig mit Kron' und Schweif?
Mein Sohn, es ist ein Nebelstreif»
(Goethe, «Erlkönig»)*

*«Das Kind hat noch die Zeit verloren
Da springt ein Widerhall zu Ohren
Ein dumpfes Grollen treibt die Nacht
Und der Wolkentreiber lacht»
(Rammstein, «Dalai Lama»)*

Ребенок у Т. Линдемманна более беспечный и беззаботный («Das Kind hat noch die Zeit verloren»), в то время как ребенок у Гёте уже во второй строфе начинает съеживаться от страха («Was birgst du so bang dein Gesicht»).

Следующий пример стилизации выражается в том, что ребенок у Гёте видит Лесного короля («mit Kron' und Schweif») и удивляется, почему его отец ничего не видит; у Т. Линдемманна ребенок не видит злого духа, а только слышит эхо раскатов грома («Ein dumpfes Grollen treibt die Nacht»), которые

насылает Король ветров – однако этого оказывается достаточным для того, чтобы ребенком овладел ужас. Мы считаем, что Т. Линдемманн хотел подчеркнуть тот факт, что современные дети видят по телевидению слишком много ужасов, отчего их психика становится неустойчивой. Дети же эпохи Гёте в этом вопросе были более стойкими, отчего, чтобы напугать ребенка, поэт вводит Лесного короля в облаке тумана.

Но этот же момент порождает и следующее стилистическое отличие: злой дух у Т. Линдемманна нарисован более жестоким и суровым существом. Этим автор хотел показать, что градус жестокости со времен Гёте сильно возрос и современное общество резко отличается от времен создателя Фауста.

«Willst feiner Knabe du mit mir geh'n?
Meine Töchter sollen dich warten schön,
Meine Töchter führen den nächtlichen Reihn
Und wiegen und tanzen und singen dich ein»
(Goethe, «Erlkönig»)

«Der Mensch gehört nicht in die Luft
So der Herr im Himmel ruft
Seine Söhne auf dem Wind
Bringt mir dieses Menschenkind»
(Rammstein, «Dalai Lama»)

Злой дух у Гёте сначала пытается уговорить и заманить ребенка к себе («*leise verspricht*», «*Du, liebes Kind, komm, geh mit mir*»), в то время как Король ветров приказывает доставить ему «человеческого детеныша» («*Bring mir dieses Menschenkind*»). Посланники так же отличаются: Лесной король себе на помощь призывает своих дочерей («*Töchter*»), Король ветров – сыновей, целый хор («*Söhne*», «*der Chor*»). В данном случае снова наблюдается стилизация: Гёте, романтик, отдает предпочтение красоте; Т. Линдемманн показывает, что в наше время важную роль играет сила.

Композиционным фоном у Гёте выступает лес, старые ивы; у Т. Линдемманна роль фона играет «человеческий груз» («*Menschenfracht*»), толпа, которая летит вместе с лирическими героями. В эпоху Гёте проблема толпы не стояла так остро: напротив, было много героев, одиночек, скачущих в ночи на лошади. В наше время героев мало: большинство людей представляют собою лишь безликую толпу, которая способна только кричать («*In Panik schreit die Menschenfracht*»).

«Dem Vater grauset's, er reitet geschwind,
Er hält in den Armen das dchzende Kind,
Erreicht den Hof mit Mьhe und Not,
In seinen Armen das Kind war tot»

(Goethe, «Erlkönig»)

«Der Vater hdlt das Kind jetzt fest
Hat es sehr an sich gepreЯt
Bemerkt nicht dessen Atemnot
Doch die Angst kennt kein Erbarmen
So der Vater mit den Armen
Drückt die Seele aus dem Kind»
(Rammstein, «Dalai Lama»)

Момент гибели представляет собой следующее стилистическое отличие. У Гёте мы не видим процесса убийства ребенка: отец обнаруживает мертвое тело по приезду на постоянный двор. У Т. Линдемманна ребенок гибнет от рук собственного отца, который в страхе «выдавливает» душу из своего ребенка. Автор показывает, что «у страха глаза велики» («*Doch die Angst kennt kein Erbarmen*») и люди не справляются с ситуацией: отец подвергся общей паники

человеческого груза, стал его частью и в припадке страха убил собственного сына («*So der Vater mit den Armen drückt die Seele aus dem Kind*»).

В обоих текстах отец не обращает внимания на страхи своего ребенка: если у Гёте отец реагирует короткими фразами, стараясь успокоить своего сына, то у Т. Линдемманна отец не реагирует абсолютно.

Мы считаем, что оба автора хотели показать зависимость взрослых от мировоззрений, которые они сами придумали и в которые верят. Возгласы их детей о чем-то, что не вписывается в это мировоззрения, остаются не услышанными.

Трактовка обоих вторичных текстов раскрывает идею о том, что люди постоянно проникнуть туда, куда им не следовало бы проникать. Отец с ребенком у Гёте скачут сквозь лес ночью: время, когда Лесной король царствует безраздельно; У Т. Линдемманна человек дерзает подняться в воздух подобно птицам и это нередко кончается катастрофами (отсылка к частым авиакатастрофам).

Таким образом, чтобы отразить современное общество оба автора прибегли к древнему германскому эпосу, который нашли наиболее подходящим для нужд времени. Легенда о лесном короле представляет собою общегерманское знание, опыт, культурную ценность: при прочтении или прослушивании данных вторичных текстов она взывает к архитектурным образам германского народа и помогает таким образом понять смысл и назначение данных текстов: то есть достигается выполнение вышеназванных функций сохранения культурного достояния и отражения социальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Владимирова, О. А. Эволюция вторичных текстов в 40-90-е годы XIX века на примере творчества А. Майкова//Жанрологический сборник. – Выпуск 1. – Елец: ЕГУ имени И. А. Бунина, 2004. – с. 43-48.

2. Касавин, И. Т. Текст, контекст, индиви// <http://journal.iph.ras.ru/textkontextindivid.html>

3. Майданова, Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов// Человек-текст-культура. – Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. – с. 81-104.

4. Kartheuser, Timm Zwischen Lyrik, Lyrics and Rockmusik: eine intermediale Untersuchung der Lieder von Rammstein/ Timm Katheuser. - Norderstedt: Grin Verlag, 2008. – 30 с.

5. Spisla, David Die Songtexte der Band Rammstein aus dem Blickfeld der Literaturwissenschaft/ David Spisla. – Norderstedt: Grin Verlag, 2006. – 40 с.

6. Von Wilpert, Gero Sachwörterbuch der Literatur/ Gero von Wilpert. – Stuttgart: Kröner, 1989. – 335 с.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.А. Исянгулова

ГОУ ВПО “Башкирский государственный университет”, Уфа

Подражательные слова являются составной частью лексики современного башкирского языка. Эти слова в большинстве случаев обладают стабильным звуковым строением, зафиксированным общепонятным значением, регулярным употреблением в этом значении. Подражательные слова широко употребляются как в устной речи, так и в художественной литературе, вызывая конкретный, яркий, картинный образ отражаемых ими звучаний, движений, явлений, подчеркивая их выразительность, живость и динамичность. Чаще всего подражательные слова относятся к разговорному стилю литературного языка, являясь обиходными словами.

Подражательные слова башкирского языка характеризуются определенной фонетической и морфологической структурой.

Строение подражательных слов укладывается в определенные формулы. По морфологической структуре подражательные слова подразделяются на 4 типа:

1. Одинарные. К этому типу относятся слова, состоящие из одного слога или нескольких гласных. Например: *лып, һау, вау, һап, выж, пр* и т.д. Примеры: *Шул сак Сынбулаттың һизгер йөрәге терт итеп калды* “В это время сердце Сынбулата вздрогнуло” (Д.Буляков). *Имештер, күктә фәрештәләр мыж килеп тора* “Якобы, на небе полным-полно ангелов” (Т.Гарипова). *Диңгез кеүек булып эркелеп йыйылған халык араһында шылт иткән тауыш та, хәрәкәт тә булманы* “Толпа народа молчала как рыба, и не двигалась” (Ф.Исянгулов).

2. Удвоенные. Данный тип подражательных слов получило широкое распространение. Например: *быш-быш, мыш-мыш, тыпыр-тыпыр, кыштыр-кыштыр, тук-тук, тып-тып* и т.д. Примеры: *Ниһайәт, иҫен йыйып, Искәндәр һулк-һулк илаган катынды беләгенән маткып алды* “В конце концов, Искандар пришел в себя и схватил плачущую женщину за руку” (А.Хакимов). *Танауын мыш-мыш тарта-тарта түргә уззы* “Шмыгая носом, он прошел в дом” (Т.Гарипова). *Малайзар, ботактарынан тирелгән алмалар шикелле, суп-суп итеп һыуға йығылып төштө* “Мальчики как яблоки, которые падают с яблони, упали в воду” (З.Биешева).

3. Парные. Они образуются путем повторения одинарных или удвоенных подражательных слов, при этом происходит замена слогаобразующего гласного или начального согласного во втором из них. Например: *ялт-йолт, дөбөр-шатыр, шарт-шорт, тырт-мырт, шап-шоп* и т.д. Примеры: *Ул да булманы, шыйык королманың түбәһе шатыр-шотор актарылып осто* “А в это время с грохотом сорвало крышу хлипкого сооружения” (А.Хакимов). *Катыны иртүк инде кухняла шыж-быж килә, нимәлер әзерләй, беишәренә* “Жена с утра на

кухне что-то готовит, жарит, варит” (Д.Буляков). *Вәләүетдин алмаш-тилмәш басып, ык-мык итте* “Валяутдин мямлил, переминаясь с ноги на ногу” (Т.Гарипова).

4. Сложные. Данный тип образуется путем примыкания одинарных к удвоенным или парным подражательным словам, поэтому их компоненты имеют неравное количество слогов и различаются по составу звуков. Например: *иха-хай, тра-та-та* и т.д. Примеры: *Этәс урамға сыкты ла, ситән башына ла менеп тормай, “ко-го-гу-у-к” тип карлыгып кыскырып ебәрзе* “Петух вышел на улицу, не залетая на плетень, прокукарекал (З.Биишева). *Борғолар кушарлап йырлай: - Трам-там-там-там!* “Горны поют парой: - Трам-там-там-там!” (Ф.Исянгулов).

Подражательные слова характеризуются специфическим фонетическим строением, которое укладывается в определенные формулы, сложившиеся в ходе исторического развития башкирского языка.

По фонетическому строению в современном башкирском языке подражательные слова подразделяются на следующие типы (Г – гласный, С – согласный) [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981: 344]:

1. Г или ГГ. Например: *у, уу, ы-ы, ә-ә, әә* и т.д. Пример: *Был юлы айырым-асык ауаздар, якыная биреп, ел ыжгырыуы менән бергә уның колагына бәрелде: у-уу-уу-уу!.. У-уу-у!..* “На этот раз вместе с воем ветра отчетливо услышал звуки: у-уу-уу-уу!.. У-уу-у!..” (Д.Буляков).

2. ГС. Например: *ыр, ык, аһ, эһ, өф* и т.д. Примеры: *Ләкин күп тә барманы, “ыһ” тип һөрлөгөн йөз түбән аузы* “Но далеко не ушел, споткнувшись, со стоном упал лицом вниз” (А.Хаким). *Карап тороусылар “аһ!” итте* “Увидевшие ахнули” (Д.Буляков). *Бер ток оном бар, «ыһ» та итмәй шуның сиреген бирәм* “У меня есть мешок муки, без лишних слов отдам четверть” (М.Карим).

3. СГ. Данный тип встречается крайне редко. Например: *тю, ти, си, ни, һә, һи* и т.д. Примеры: *Ошонан файзаланып өс малай теге икәүзе “һә!” тигәнсе ергә йыкты* “Воспользовавшись моментом трое мальчиков тех двоих в мгновение ока завалили на землю” (Д.Буляков). *Ошо һүзәрзән һуң трубкала отбой китте: тү-тү-тү...* “После этих слов в трубке послышался отбой: ту-ту-ту” (Д.Буляков). *Айһылыу еңгәһе һә тигәнсе әзәм итте лә алды шул* “А невестка Айсылу его быстренько на ноги поставила” (З.Биишева).

4. СГС. Например: *лап, бух, гыж, жыу, мыж, суп, тыс, шап, лас, бык, шар, мыш, сут, тәс, гыр, зыр, пыр* и т.д. Они выражают понятия о звуках, которые издают люди, животные, птицы, неодушевленные предметы. Примеры: *Тегеһе “һап!” итеп кенә тора инде, донъяһын онотто* “А тот на все согласен, обо всем на свете забыл” (Д.Буляков). *Ул лас итеп аяк астына төкөрөп куйзы* “Он плюнул под ноги” (З.Биишева). *Таңһылыу апай телефонын һүндәрзе, дып итеп диванға барып ултырзы* “Тетя Тансылу выключила телефон, и плюхнулась на диван” (Ф.Акбулатова).

5. СГСС. Например: *былт, гөлт, шалт, серт, пырх, шылт, лерк, ялт, сырт, выжт, йылт, гыжт, елт, һулк, шарк, шарт, йәлт, терт, гөрҫ, тырт,*

керт, дарс, карп и т.д. В основном употребляются для выражения звуков, исходящих от различных предметов, и образных представлений о световых явлениях. Примеры: *Фатима бер һүз зә өндәшмәй, еңмешләнен, ишекте шарт ябып сыгып китте* “Фатима ничего не сказала, заупрямилась, и вышла громко хлопнув дверью” (Ж.Кейекбаев). *Кыңгырау бер нисә мәртәбә “селт!” итте* “Колокольчик несколько раз звякнул” (Ф.Исянгулов).

6. СГСГС. Например: *шыгыр, дабыр, дөбөр, шыкыр* и т.д. В основном выражают звуки, относимые к предметам и явлениям природы. Примеры: *Елгә һелкәнен кыштырлаган япрак шауы шыбыр-шыбыр, шыбыр-шыбыр низер һөйләй* “Листья, шелестя на ветру, о чем-то говорят” (Т.Гарипова). *Ә Агизелдең төп үзәннен шатыр-шотор килеп, һыйыша алмай, бер-береһенә төкәшен, өстө-өстөнә өймәкләшен, өй дәүмәле боззар ага* “А по основному руслу Агидели плывут льдины размером в дом, с грохотом ударившись друг об друга” (Ф.Исянгулов).

7. СГССГС. Например: *шылтыр, сунтыр, кыштыр, селтер, мөңгөр, һәлләң* и т.д. Все они являются подражанием звукам предметов и явлений природы. Примеры: *Эй-й, гүмер озонмо ни инде ул?.. Аккан һыу кеүек... Шылтыр-шылтыр-шылтыр... Акты-китте* “Эх эта жизнь!.. Она же как вода... Утекает, даже не заметишь...” (З.Биишева). *Тик икенсе көнөнә управляющий түбәнге массалар менән көңгөр-каңгыр килеүзән нык арыны* “Но на следующий день управляющий устал от общения с рабочими” (Ф.Исянгулов). *Ләкин көбө эсенә баш тыгып һөйләгәндәге һымак, мөңгөр-мөңгөр һөйләшеүзән һәм аралаш көлөп ебәреүзән башка ул бер нәмә лә ишетмәне* “Но ничего не услышал кроме голосов, которые слышались как из пустой бочки, и смеха, который звучал время от времени” (Ж.Кейекбаев). *Кыштыр-кыштыр коро япрак койола* “Шурша падают сухие листья” (М.Карим).

8. СГСГСС. Например: *дөбөрт, шыгырт* и т.д. Пример: *Баш өстөндә генә дөбөрт итеп калды* “Прямо над нами грянул гром” (Ф.Исянгулов).

9. СГССГСС. Например: *сылтырт, кыштырт, дөңгөрт* и т.д. Пример: *Кузьмич ни тир тә уйларга өлгөрмәне, колак төбөндә “дөңк” иткән тауыш яңгыраны, “зыңгырр” итеп тәзрә быялаһы койолоп төштө* “Кузьмич даже не успел ни о чем подумать, как со звоном разбилось окно” (Ж.Кейекбаев).

Итак, фонетическую структуру подражательных слов можно свести к 9 слоговым типам.

Таким образом, подражательные слова представляют собой самостоятельную часть речи, так как они имеют своеобразную фонетическую форму и морфологическую структуру, целостное семантическое значение, активно используются в образовании новых слов (глаголов, имен существительных и т.д.), выступают в роли членов предложений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грамматика современного башкирского литературного языка / Под ред. А.А.Юлдашева. - М.: Наука, 1981. – 495 с.
2. Татарская грамматика. Морфология. 2 том. - Казань, 1997. – 397 с.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В ГРАММАТИКЕ АМБРОСИО ДЕ САЛАСАРА (1623)

С.В. Колтунова

Белгородский государственный университет

Грамматическое описание любого языка немислимо без достаточного внимания к частям речи, которые характеризуются через присущие им грамматические категории. Под грамматической категорией принято понимать систему противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями [Лопатин 2000:115]. В каждом языке существует некий набор этих категорий, по наличию которых можно определить строй языка. К таким категориям относится падеж.

Падеж представляет собой словоизменительную категорию, которая находит свое отражение во флективных языках [Булыгина 2000:355]. Однако в истории европейской лингвистической мысли известны случаи, когда в грамматических описаниях аналитических языков описанию данной категории уделялось пристальное внимание. Ярким тому примером служат первые грамматики живых языков, увидевшие свет в эпоху Возрождения. К числу таких работ относятся ранние грамматики испанского языка (XVI-XVII вв.). Рассмотрим, как представлена категория падежа в одной из кастильских грамматик, автором которой был Амбросио де Саласар.

Как сообщает Ф. Соуто Гарридо, Саласар (1572 - 1643) родился в Мурсии, однако бóльшую часть жизни провел во Франции, где вел активную педагогическую деятельность, обучая французов своему родному языку. В связи с этим Саласар оставил богатое лингвистическое наследие, значимое место в котором занимает “*Espejo general de Gramatica en diálogos*”. Эта грамматика увидела свет в 1614 г. в Руане [Souto Garrido 2001:469-470]. Публикация этой испанской грамматики на севере Франции была неслучайна. Торговые отношения Франции и Голландии, на территории которой продолжали существовать испанские колонии, побуждали французов изучать испанский язык.

Само название этой грамматики отражает ее главную особенность: она написана в форме диалога между учителем Алонсо и французским учеником Гильермо, которому в течение семи дней сообщаются сведения о происхождении языков, о характере испанского населения, о формах обращения в кастильском языке, а также лексические и грамматические особенности этого языка. Такая форма изложения мысли, восходящая к сократовскому жанру диалога, была очень популярна в эпоху Возрождения.

Особого внимания заслуживает структура этой работа. Объяснению грамматических особенностей кастильского языка предшествуют беседы о происхождении языков и их разнообразии, а также правила произношения всех букв испанского алфавита с многочисленными примерами и в сравнении с

французскими буквами. И только на пятый день общения учитель Алонсо раскрывает своему ученику основы грамматики изучаемого языка. Такая структура работы свидетельствует о том, что для испанского грамматиста вопросы о частях речи и их грамматических категориях не являлись основными при изучении кастильского языка.

Ссылаясь на своего знаменитого предшественника Антонио Небриху, Саласар выделил в испанском языке такие части речи: имя (Nombre), местоимение (Pronombre), глагол (Verbo), причастие (Participio), наречие (Aduerbo), союз (Conjugacion), предлог (Propoficion) и междометие (Interjeccion). Однако он не отметил еще один элемент частеречной системы – артикль (Articulo), которому отвел в работе значимое место. Опущение артикля при перечислении частей речи показывает стремление автора придерживаться латинской грамматической традиции в вопросе выделения частей речи. Однако не во всех вопросах можно было руководствоваться традиционной моделью описания языка, поскольку она была рассчитана на флективные языки (латинский и греческий), с которыми испанский язык с его аналитической системой имел мало общего. Это привело к пересмотру отдельных языковых явлений, среди которых особое место занимает категория падежа.

Анализ грамматики Саласара показывает, что при сохранении внешних признаков традиционной падежной парадигмы характер ее описания применительно к именованным частям речи несколько изменен. Это можно объяснить жанровыми особенностями этой грамматики, поскольку во время диалогического общения возникают вопросы, ответы на которые уводят собеседников от основного хода изложения мыслей.

Из латинской традиции автор перенес в испанскую модель количество и последовательность падежей в парадигме. Сохранены без изменений в его работе и традиционные наименования падежей: *Nominatiuo*, *Genitiuo*, *Datiuo*, *Accusatiuo*, *Vocatiuo*, *Ablatiuo*. Однако не может остаться незамеченной трансформация падежной парадигмы в том случае, когда грамматист сравнивает парадигмы склонения латинского, испанского и французского местоимений первого лица единственного и множественного числа. При таком сравнении усечению подвергается аблатив – важный компонент латинской парадигмы склонения. Далеко не всегда представлен и вокатив, что обусловлено совпадением форм в номинативе и вокативе. Подобное явление оказывается характерным и для французской грамматической традиции эпохи Возрождения, что отмечено Е.Н. Михайловой [Михайлова 2007:97]. Такие преобразования в парадигме склонения свидетельствуют о том, что у Саласара было свое видение падежной парадигмы применительно к описанию родного языка.

Новыми предстали в работе Саласара средства выражения падежных значений. Как известно, в латинской традиции эти значения выражались флексиями. Однако для кастильского языка с его оформившейся аналитической системой падежное словоизменение было неприемлемо. В связи с этим испанский грамматист использовал служебные слова: *a*, *de* (один раз *para*) и *o*. В грамматике Саласара предлоги *a* и *de* названы «артиклями» наряду с

формами *el, la, lo* и *los, las*. Что касается *o*, то автор не уточнил принадлежность этого элемента к частям речи, а определил его как «букву» (*letra*). Данный факт подтверждает, что в рассматриваемый период одновременно с переосмыслением различных языковых явлений шел процесс пересмотра и формирования терминологии для нового языка.

Порядок описания падежной парадигмы для именных частей речи в грамматике Саласара по сравнению с латинским каноном несколько изменен. Автор отходит от латинской модели и начинает объяснение данной категории не с имени, а с местоимения, сообщая, что местоимения имеют определенную систему падежей и склоняются как имена [Salazar 1623:163]. Такая структура описания падежной парадигмы имеет определенный смысл и обусловлена тем, что для склонения местоимений артикли *el, la, lo* и *los, las* не требуются, тогда как склонение имени тесно с ними связано.

Падежная парадигма местоимений представлена развернуто для личных местоимений *yo, nosotros, tu, vosotros, mio, mios, ella*, которые имеют общие особенности. Во-первых, примеры падежной парадигмы этих местоимений, за исключением *ella*, сопровождаются небольшими комментариями:

Nominativo, yo, por que no se puede dezir, my, en palabra fola.

Genitivo, de my, se ha de creer lo que digo.

Dativo, a my, se me deue el dinero.

Accusatiuo, yo, lo gastaré como me diere gusto.

Ablatiuo, à my, ò de my [Salazar 1623:163].

Из примера видно, что автор использует контекст, который призван раскрыть значения падежей и сделать местоименные формы более понятными для учащихся. При этом понимание контекста в данной работе выходит за рамки двусоставного словосочетания и затрагивает разные уровни синтаксической системы. Кроме того, оно расширяется до придаточных предложений, например, для номинатива.

Однако при склонении местоимения *mio* грамматист воздерживается от пояснений к формам аккузатива и аблатива. Он объясняет, что эти формы совпадают с номинативом и генитивом соответственно, например: “*Accusatiuo, el accusatiuo es como el Nominativo*” [Salazar 1623:217]. Так, совпадение форм аккузатива и номинатива в испанском языке характеризует видение Саласаром сходства этих форм. Во-вторых, для генитива и датива всех перечисленных местоимений используются одинаковые служебные слова: для генитива – *de*, для датива – *a*.

В парадигмах склонения местоимений можно также обнаружить некоторые расхождения. В аблативе помимо «артикля» *de* приводится «артикль» *a*, что показывает поиск автором средств выражения значения этого падежа для живого языка. Особо интересно представлено описание вокатива, в котором формы *tu, vosotros, mio, mios* приводятся без «буквы» *o*. В основе склонения местоимения *ella* лежит норма, согласно которой в аккузативе это местоимение наделено двумя равнозначными формами *ella* и *la*. Местоимение *tu* при склонении не меняет своей формы (лишь в аблативе *ty*) в отличие от местоимения *yo* (*my*).

Склонение имени существительного (парадигма склонения прилагательного, входящего согласно традиции в состав имени, в рассматриваемой грамматике не приведена) и артикля представлено в одной парадигме, что дает основание считать, что Саласар заметил тесную связь между этими частями речи. Однако большее внимание уделяется артиклю, которому он дал следующее определение: «Артикль – это одна из главных частей, поскольку служит, чтобы соединять слова, которые без артиклей не имели бы никакого смысла» [Salazar 1623:230]. Наличие артикля в частеречной системе испанской грамматики побудило автора остановиться на особенностях этого нового элемента и его акциденциях: роде (*genero*), числе (*numero*), склонении (*declinacion*). Вот как грамматист представил парадигму склонения артикля и существительного:

Nom. la muger

Gen. de la muger

D. à la muger

Ac. la muger

Voc. ô muger

Ab. de la muger [Salazar 1623:235].

В данном примере Саласар воздерживается от комментариев, призванных уточнить падежные значения. В этом прослеживается преемственность латинской традиции. Авторитет этой традиции, Донат, представлял парадигму склонения по схеме «падеж-форма», исключив из нее дополнительные объяснения [Donatus].

Особый статус артикля в грамматике Саласара подтверждается тем, что автор также представил развернутую парадигму склонения этой части речи, опустив имя, обычно стоящее с артиклем, но сохранив контекст для толкования падежных значений:

N. el, ellos, son buenos.

Ge. del, de ellos, viene el argent.

Da. al, à ellos, se deve honrra.

Accu. el, ellos, vendran luego.

Voc. ô, fi viniessen.

Abla. del, dellos se deve esperar todo bien [Salazar 1623:236].

Такое представление падежной парадигмы артикля *el* служит своего рода алгоритмом, с помощью которого каждый желающий сможет склонять имена мужского рода единственного числа, лишь подставив нужное имя.

Итак, анализ грамматики Саласара показал, что классическая парадигма склонения в грамматическом описании испанского языка получила новую интерпретацию. Трансформации подверглись разные стороны этой парадигмы. Во-первых, несмотря на преемственность латинской традиции применительно к ее внешним атрибутам, наблюдается усечение парадигмы (аблатив и вокатив). Во-вторых, переосмысление падежного словоизменения выразилось в использовании служебных слов, названных автором «артиклями» (*de, a*) и «буквой» (*o*). В-третьих, расширение парадигмы склонения происходит за счет контекста, призванного расшифровать падежные значения. Все эти

преобразования продиктованы новым строем испанского языка, что автор учел, описывая категорию падежа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Падеж // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. С. 355-357.
2. Лопатин В.В. Грамматическая категория // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. С. 115-116.
3. Михайлова Е.Н. Категория падежа в лингвистических концепциях эпохи Возрождения // Научные чтения Петербургского Лингвистического общества 2006. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 91-99.
4. Donatus. Ars Minor. De partibus orationis: [Электронный ресурс]: <http://thelatinlibrary.com/index>
5. Salazar A. Espejo general de Gramatica en diálogos. – Roven: Chez Adrien Morront dās L'estre·N·D, 1623, 521 p.
6. Souto Garrido F. Notas sobre la ensecanza del espacol en Francia en la época de Luis XIII: la labor de los pedagogos espacoles // Actas del III Congreso Internacional de la Sociedad Espacola de Historiografía Lingüística, Vigo, 7-10 de febrero de 2001. – P. 469-472.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ВВОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

Е.А. Лебедева

**Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород**

Оценочность является неотъемлемым свойством аналитического медиатекста, на что указывают теоретики журналистики [Тертычный 1998: 12]. Присутствие оценочного компонента помогает автору донести до читателя своё понимание связи между событиями.

Оценки делят на внутренние, выражающие эмоции (эмоциональная оценка), и внешние, связанные с интеллектуальной деятельностью человека (рациональная оценка) [Хидекель, Кошель 1983; Телия 1991]. Мы придерживаемся мнения исследователей, включающих эмоциональные значения в круг модальных отношений, так как «субъективно-модальные значения тесно связаны с экспрессивностью, с экспрессивной окраской сообщаемого, с его эмоциональной оценкой» [Русская грамматика 1980: 92].

Многие отечественные англисты (И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов, М.Я. Блох) относят слова, выражающие одобрение или неодобрение говорящего типа *fortunately*, *unfortunately*, *happily*, к группе модальных слов. А.И. Смирницкий, Б.А. Ильиш, В.Н. Жигadlo, Л.Л. Иофик и И.П. Иванова

указывают, что «эти наречия, сохраняющие свой морфемный признак — суффикс *-ly*, — втягиваются в поле модальных слов, не переставая быть наречиями.

Таким образом, корпус модальных слов в английском языке состоит из небольшого ядра — собственно-модальных слов и периферии, которую составляют наречия, способные приобрести синтаксический признак модальных слов» [Иванова 1981: 90], способствуя «выражению положительного или отрицательного отношения к событиям, их элементам или аспектам осуществления» [Шмелёва 1984: 92].

Для установления значения англоязычных вводных элементов мы обращаемся к хорошо известному «Англо-русскому словарю» В.К. Мюллера [Мюллер 1992]. Однако поиск журналистами новых средств выражения оценки показывает, что язык газеты — это постоянно развивающаяся система и специфика отбора языковых средств на газетной полосе во многом определяется расчётом на массовую читательскую аудиторию. Поэтому, мы считаем, что важно принимать во внимание расширенные варианты значений, предоставляемые современными электронными словарями, к примеру, Мультитран [Мультитран].

Семантический анализ исследуемого материала позволяет говорить о том, что эмоционально-оценочные вводные элементы используются, чтобы выразить:

радость, одобрение: *fortunately, happily* — к счастью, *ideally* — превосходно, *laughably* — весело, *tellingly* — убедительно, *thankfully* — благодарно, *hopefully* — оптимистически, *admirably* — замечательно, *unsurprisingly* — не удивительно, *fortunately for smb.* — к счастью для кого-то.;

сожаление, неодобрение: *unfortunately, sadly, regrettably, alas* — к несчастью, к сожалению, жаль; *unsuccessfully* — безуспешно, *frustratingly* — разочарованно, *disappointingly* — печально, *dramatically* — драматично, *unfortunately for him, unfortunately for us* — к несчастью для ..., *however lightly* — и всё же необдуманно, *most worrisome* — самый назойливый;

удивление, недоумение: *miraculously, amazingly* — удивительно, *strangely, bizarrely, curiously* — странно, *inexplicably* — необъяснимо, *mystifyingly* — таинственно, *suddenly* — непредвиденно, *strikingly* — поразительно, *not surprisingly* — не удивительно, *slightly mysteriously* — слегка таинственно, *amazingly enough* — довольно поразительно, *indeed remarkably so* — просто так удивительно.

Наряду с вводными элементами, которые указывают на авторское эмоциональное отношение, в данную группу мы включаем и вводные элементы, отражающие специальные, интеллектуальные оценки автора: *sensibly* — разумно, *blatantly* — очевидно, *equally* — одинаково, в равной степени, *alternatively* — взаимоисключающе, *revealingly* — открыто, *broadly* — более открыто, решительно, *more specifically* — более характерно. Вот пример использования одного из таких вводных элементов: **Sensibly**, having taken a 23 per cent stake in British Energy, Centrica is hedging its bets on nuclear plugging the gap, but until that

day, Venture may well prove to have been the better acquisition – and certainly the most reasonably priced (David Prosser // The Independent 25.08.2009).

Присутствуют в текстах также и комбинированные случаи, как в предложении: . Mr. Litvinenko spent his time in London writing anti-Putin diatribes, giving interviews to novelists and filmmakers interested in post-Soviet Russia and trying, **for the most part unsuccessfully**, to drum up work as a security consultant (Joseph Weisberg // The New York Times 12.08.2008) – (*большей частью безуспешно*). Список таких вводных элементов может быть пополнен: *perhaps surprisingly to many* – *может быть удивительно для многих*, *perhaps unsurprisingly, perhaps not surprisingly then* – *может быть неудивительно*, *rather remarkably* – *скорее замечательно*. Они, как показывают примеры, отражают значимость явлений, ситуаций, личностную реакцию автора на происходящее.

Невозможно пойти мимо того факта, что вводность имеет полевую структуру, что всё пространство вводности и его отдельные семантические области не могут быть чётко ограничены. Поэтому особое внимание уделяется промежуточным, переходным, сомнительным и гибридным случаям.

Личностное присутствие автора очевидно в таких вводных предложениях, как **I fear, I'm afraid**. В русском языке они соответствуют следующим значениям: к сожалению, боюсь, которые выражают не только отношение проблематической достоверности, но и эмоционально окрашены. There's still, **I fear**, a substantial chance that unemployment will remain high for a very long time (Paul Krugman // The New York Times 09.08.2009). We still have a lot of disruption and, **I am afraid**, human misery still to come (Hamish McRae // The Independent 14.08. 2009). Данные структуры рассматриваются главным образом как персуазивные, так как они указывают на неопределённость в плане достоверности. Однако мы считаем, что ввиду приоритета индивидуального отношения говорящего к оцениваемому объекту окружающей действительности эмоциональное наполнение этих вводных предложений характеризуется большой нацеленностью на адресата по сравнению с рациональной оценкой.

Изучение современных англоязычных медиатекстов в тесной связи со спецификой контекста аналитического жанра, позволяет нам дополнить список вводных лексических единиц, уже ранее зафиксированных исследователями. Как известно, контекст является мощным механизмом формирования нужной оценки. На наш взгляд, в состав вводных элементов следует отнести также выражение **Oh god**, которое используется для эмоциональной оценки описываемого события. Причём данная конструкция отражает разные эмоции: и удивление, и гнев, и восторг, и восклицание. В примере **Oh, god. Not surprisingly**, Steve and Julia win (Alice-Azania Jarvis // The Independent 02.10.2009) одобрение, выражаемое благодаря **not surprisingly**, подчёркивает положительный оттенок значения **Oh god**, можно даже сказать, что это восторг автора. Таким образом, усиливается заряд эмоций, уже заложенных в высказывании.

Мы обратили внимание на сходство эмоционального оттенка между известным *unfortunately* и *alas*, которые соответствуют русским значениям: *к сожалению* и *увы*: It is, **alas**, unsatisfying to delve into a mystery like this and not be able to solve it (Joe Nocera // The New York Times 04.09.2009). Как мы видим, автор благодаря **alas** подчёркивает степень неодобрения, неудовлетворённости происходящим. Формирование заданной оценки происходит с помощью контекста. Ситуационный контекст, отмеченный глаголом *unsatisfy*, с явным отрицательным лексическим значением, полностью сочетается с эмоциональным оттенком авторского **alas**.

Итак, анализ материала показывает: в англоязычных аналитических медиатекстах представлено широкое многообразие семантически близких эмоционально-оценочных вводных слов и словосочетаний, однако частотность их употребления минимальна. В численном превосходстве явно находятся вводные элементы, выражающие отрицательные эмоции (сожаление, неодобрение). Возможно, это объясняется описанием, анализом преимущественно проблемных ситуаций современной жизни, соответственно данные виды оценки – это ситуативные оценки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. Учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1981. – 286 с.
2. Мюллер В.К. Англо-русский словарь / English Russian Dictionary. – М.: Русский язык, 23-е изд., 1992. – 843с.
3. Русская грамматика. Т.2: Синтаксис / Под ред. Н.Ю. Шведовой.– М.: Наука, 1980.– 709 с.
4. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 36–67.
5. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. – М.: «Гендальф», 1998. – 255 с.
6. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983. – С. 11–16.
7. Шмелёва Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т.В. Шмелёва // Актуальные проблемы синтаксиса. – М., 1984. – С. 78–101.
8. Электронный словарь Мультитран // <http://www.multitrans.ru>

СИНКРЕТИЗМ, ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ, ИНТЕРМОДАЛЬНОСТЬ И СИНЕСТЕЗИЯ

И.Б. Левчина

Военно-морской инженерный институт, г. Санкт-Петербург

Формирование картины мира у человека начинается с непосредственного его восприятия в чувственных ощущениях. Проблема взаимодействия органов чувств имеет давнюю историю изучения в русле целого ряда гуманитарных и естественных наук: философии, эстетики, психологии, физиологии, медицины, искусствоведения, языкознания. Характерной чертой современных исследований, в центре внимания которых оказывается человек ощущающий, чувствующий, переживающий, становится «взрыв» интереса к вопросу интермодальности и полимодальности. На наш взгляд непосредственное отношение к данным явлениям имеет и понятие синкретизма.

Именно с него и начнем. На лексическом уровне языка семантический синкретизм рассматривается преимущественно как отличительная черта древних языковых состояний, отражающая слитность мировосприятия человека на архаичных стадиях развития и проявляющаяся в нерасчлененности лексических значений. Существование в древние языковые периоды семантической диффузности на лексическом уровне отмечают, привлекая материал различных языков и используя самую разнообразную терминологию, такие ученые, как, например: А.А. Потебня («первобытное имя», заключающее в себе «двойственность субстанций», то есть слитность предметного и качественного значений) [Потебня 1968: 65-66]; Б.А. Ларин («синкретическое слово», обладающее единством «полярных значений», «для которого характерен комплекс единства противоположностей, отражающий более ранний, примитивный этап мышления») [Ларин 1977: 20]; О.Н. Трубачев (синкретическое сосуществование двух значений в корне) [Трубачев 1976: 167]; С.Д. Кацнельсон (единое недифференцированное образное имя, отличающееся в древних языках полисемантизмом качественных и предметных значений) [Кацнельсон 1986: 89-94].

С. Ульман пишет, что «...лексикограф при выделении разных значений одного слова часто принимает произвольные решения. Во многих случаях нельзя обнаружить четкой границы между этими значениями; многие наши понятия имеют, как выразился Витгенштейн, «размытые края» (blurred edges)...» [Ульман 1970: 268]. Д.Н. Шмелев также обращает внимание на то, что в толковых и исторических словарях «...многие случаи реального применения слова остаются незафиксированными, что способно привести к мысли о невозможности промежуточных «значений» или употребления слова в таком смысле, который создается как бы совмещением двух или даже нескольких из выделенных значений. Речь идет ... о том, что в обычных условиях речевого общения выделяемые значения не полностью и безусловно отграничены друг от друга и замкнуты в каком-то «автономном» семантическом круге» [Шмелев 1964: 86-87].

На чём же базируется подобная размытость? Ощущение и вообще психические явления должны рассматриваться в их отношении к объективной действительности, которую они специфическим образом отражают. В образе нам даны не наши субъективные состояния, а сами объекты; «при восприятии субъект не соотносит «образ» с «вещью»: «образ» как бы наложен на «вещь» [Лаенко 2005: 8]. Предметность образа, таким образом, это не некая внутренняя

организация хаоса, а органическая связь отраженных в нем пространственно-временных и интенсивных характеристик.

Целостность предметного образа тесно соотносится с полимодальностью. Полимодальность восприятия понимается как психологический феномен, который базируется на сочетании сенсорных модальностей при доминировании одной или нескольких из них, обеспечивает целостность образа предмета или явления [Бандурка 2009: 15].

Полимодальность перцепции как чувственная ткань образа мира представляет собой целостную систему представлений индивида об окружающей действительности (о предметном мире и социальной среде), о себе, собственной активности и деятельности. Полимодальность восприятия структурирует реальность во всех модальностях сенсорно-перцептивного опыта и является основой чувственной ткани сознания личности.

Полимодальность следует отличать от интермодальности, основанной на явлении синестезии (*мягкий свет, резкий звук, хрустальный голос* и т.д.) При интермодальности всегда можно выделить первичный модус, по аналогии с которым рассматриваются другие (допустим, в случае *мягкий свет* первичность тактильного модуса очевидна и выражение представляет собой метафору). При полимодальности один и тот же атрибут объективно, а не метафорически, относится к нескольким модусам.

Г.Н. Скляревская выделяет в современном русском языке особый «промежуточный» тип метафоры – «синкретическую» языковую метафору, «образовавшуюся в результате смешения чувственных восприятий», возникновение которой, по мнению исследователя, «относится к архаической поре человеческого сознания» (например: *сладкая мелодия, тусклый голос, мягкий звук, постная физиономия, густой бас, жидкие аплодисменты и под.*) [Скляревская 2004: 57, 59]. В зарубежных работах подобный тип метафоры рассматривается как «синестезия», состоящая в том, что «... слово, значение которого связано с одним органом чувств, употребляется в значении, относящемся к другому органу чувств...», причем «синестезия» фиксируется лингвистами «...в языках Китая, Японии, Индии, Ирана, Аравии, Египта, древнего Вавилона и Палестины»; в современных «культурных» языках из-за частого употребления «некоторые из этих метафор превратились в клише, например: англ. *cold voice* ‘холодный голос’, *piercing sound* ‘пронзительный звук’, *loud colors* ‘кричащие краски’, франц. *couleur criarde* ‘кричащий цвет’, итал. *colore stridente* ‘кричащий цвет’ и многие другие» (цит. по [Ульман 1970: 279-280]).

Таким образом, можно заключить, что синестезия, отражая особенности комплексного восприятия действительности, при котором образы окружающей среды создаются как на основе результатов перцептивного восприятия, так и при помощи домысливания некоторых параметров образов, даёт неоценимые возможности для изучения механизмов образования средств номинации, восходящих к слитности мировосприятия человека на архаичных стадиях развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бандурка Т.Н. Исследование полимодальности восприятия у студентов // Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С.14-20
2. Кацнельсон С.Д. 10 Общее и психологическое языкознание. – Л., 1986.
3. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. - Ч. 1 – Воронеж, 2005. – 56 с. <http://31f.ru/dissertation/page,2,107-dissertaciya-perceptivnyj-priznak-kak-obekt-nominacii-pervaya-chast.html>
4. Ларин Б.А. 12 История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. – М., 1977.
5. Потенция А.А. 19 Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. – М., 1968.
6. Скляревская Г.Н. 20 Метафора в системе языка. 2-е изд., стереотип. – СПб., 2004.
7. Трубочев О.Н. 22 Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1976. – С. 147-179.
8. Ульман С. 23 Семантические универсалии: Пер. с англ. Л.Н. Иорданской // Новое в лингвистике. Вып. 5. – М., 1970. – С. 250-299.
9. Шмелев Д.Н. 28 Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964.

ФОРМАЛИЗОВАННАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ МОДЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

С.В. Лесников

Сыктывкарский государственный университет

Необходимо сделать существенную оговорку, что данная статья не должна приниматься как отчет о уже полностью свершившемся факте создания компьютерной, гипертекстовой, формализованной, автоматизированной, интерактивной модели лексической системы русского языка. Здесь изложен в большей степени проект научного исследования работа, выполняемый при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по инициативному, исследовательскому проекту (грант) N 11-07-00733 (2011-2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный

руководитель - С.В. Лесников). Поэтому все замечания, пожелания и вопросы по конкретной программной реализации компьютерной модели лексической системы русского языка всячески приветствуются и принимаются по электронной почте gowor@online.ru и посредством формы обратной связи на сайтах www.lsw.ru и <http://ЛСВ.РФ>.

На базе компьютерной модели лексической системы русского языка планируется конструирование лингвистического универсума русского языка в нелинейной форме с учетом реляционных, иерархических и сетевых парадигматических связей посредством реализации синтагматических связей в интерактивном режиме на ЭВМ оцифрованных словарных и текстовых материалов, что позволит на основе новых информационных технологий при соответствующей классификации и систематизации объединить лексикографические материалы, обеспечить их оперативный ввод в научный оборот - с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии.

По определению, "УНИВЕРСУМ (лат. universum - мировое целое, мир) - всеобщее... - множество, содержащее все элементы (объекты) какой-либо исследуемой области материального или духовного мира" [Кондаков 1975:627]. При этом неполнота знаний (в нашем случае языковая картина мира) предопределена на всех мыслимых уровнях - (для человека конечность, компактность категорий пространство-время) от объема лингвистической информации до скорости и качества ее переработки. Кроме этого специализация, углубленное познание в отдельной научной дисциплине, детализация естественным образом размывают общность, даже этой одной конкретной дисциплины. Относительным выходом из парадокса неполноты знаний о мире как универсуме (согласуясь с неполнотой лингвистического универсума как продукта, отражающего в синтагматике и парадигматике языковые факты и явления), может служить некоторая предельно общая теория, позволяющая сконструировать, интегрировать в целостный объект ранее не связанные отдельные объекты (элементы) [Карпов 1992].

Универсум - целостный объект, конечно, допускает принципиально различные членения, а в зависимости от основания для членения можно получить качественно и количественно разнообразные множества "первичных" элементов, которые и будут представлять ступени иерархии конструируемого гипертекстового лингвистического универсума русского языка. На данном этапе исследования выделим следующие подуровни лингвистического универсума (анализ и синтез): а) графокод (буквоэлемент) и графика (шрифт); б) буквокод (буква, символ, знак, цифра, логограмма) и графемика (алфавит, азбука, система знаков, код); в) морфокоды (морфема) и морфология+грамматика; г) орфограмматика (словоформа, лемма, слово, число, логема) и лексикология+семасиология (словарь, тезаурус); д) орфосинтактика (композиция - словосочетание, синтагма, предложение, фраза, высказывание) и структурология (модель языка); е) орфотектоника (текст, гипертекст; абзац, пункт, параграф, глава, раздел, часть, том, книга, библиотека; страница, строка, столбец, тетрадь, позиция) и феноменология (лингвистика, в нашем случае -

русистика); ж) предметно-семантические системы (литература; избранное, сочинения, собрание, свод; меморема) и системология (теория систем - см., напр., В.А. Карпов, Ю.А. Урманцев).

Блок словарей русского языка

Словари представляют упорядоченные по ряду признаков множества словоформ и устойчивых словосочетаний. Выбор словоформы и словосочетания в качестве единицы словаря (а) обоснован тем, что информация, закрепленная за каждой словоформой (словосочетанием), будет более точной, чем информация, присвоенная частям словоформы или целой парадигме (б). При этом, «словосочетание» - непредикативная синтагма (интонационно-смысловое единство в составе предложения), соединение нескольких слов, связанных по смыслу и грамматически, а также устойчивое (частотное) сочетание слов, выявленное статистически на объемных текстах (разумеется, к словосочетаниям относятся: фразеологизмы, поговорки, пословицы, крылатые слова; термины и наименования (напр., *ФИО, вуз*), состоящие из двух и более слов.

Пункт (а) снимает сложные морфологические алгоритмы по распознаванию вариантов основ, соотносимости основ и аффиксов, по обработке чередований, выяснению морфологической, корневой и грамматической омонимии и т.п.

Пункт (б) можно проиллюстрировать тем, что грамматические функции, напр., инфинитива в плане связей этой формы с формами других классов или внутри класса - различные: так, грамматически верной и семантически осмысленной будет композиция пора выступать, но связь остальных форм глагольной парадигмы с элементом пора является запрещенной (скрытое вытормаживание семантической связи через грамматическую); ряд существительных совпадает по форме с наречиями, представляющими собой застывшую форму творительного падежа: *верхом, бегом, днём, ночью, весной* и т.п. Подобная омонимия не дает возможности однозначного приписывания связей грамматического и семантического характера всем элементам парадигмы соответствующих существительных.

Можно представить словарную базу данных в виде системы из пяти полей: 1) префикс, 2) основа, 3) аффикс (а также суффиксы, постфиксы и флексии). Поле аффиксальной части - содержит кодировку класса, или части речи, и грамматической позиции в виде категориальных признаков рода, числа, падежа, времени, наклонения и т.п. 4. Поле дефиниций - содержит значение, смысл, толкование, определение, объяснение, иллюстрации и собственно словарные статьи из словарей, справочников и энциклопедий русского языка. Данное поле создается на основе компьютерной версии «Словаря русских словарей» [Лесников 2002]. 5. Поле источников - содержит реферативно-аннотированное библиографическое описание словарей, справочников и энциклопедий. Фактически данное поле создано на основе «Словаря русских словарей».

Интеграционное поле (код) словоформы создается при ее обработке на входе и служит адресом в словарной базе данных для словоформы с

необходимой информацией в виде модели управления (2 байта), семантического поля предметной области (5 байт), номера в семантической иерархии данной предметной области (4 байта), номера класса отношений (2 байта). Примерами семантической иерархии могут быть иерархия мерности в классе мер (грамм, дециграмм, килограмм, центнер, тонна...), иерархия званий (рядовой, ефрейтор ... лейтенант ... маршал) и другие. Класс отношений может быть следующим: деятель, действие, продукт, инструмент, получатель-адресат, притяжатель, место действия (завод, лаборатория), способ действия (протяжка, прокат, литье) и т.п.

Отдельными словарями являются семантический словарь [Караулов 1980, 1983; Шведова 1998] и ассоциативный словарь [Караулов 1994], представляющие в сущности семантическое поле предметной области и, таким образом, описание лексико-семантической системы русского языка. При таком подходе быть может достаточным может оказаться список корней (основ и/или базовых словоформ/словосочетаний) с указанием (ссылками) на частотность, источник и дефиниции. При ориентированности работы модели в рамках конкретной предметной области ее словарь может вычленяться из системы на уровне подсловаря.

Введение других словарей (словаря устойчивых языковых выражений, словаря имен собственных и др.) также будет обусловлено целями и направлениями конкретной подстройки и развития системы.

При "конструировании словарей системного типа должны быть выполнены следующие задачи: 1) сконструирован систематизированный словник из первоначально семантически неупорядоченного списка слов-терминов на основе той информации, которая содержится в этом словнике и в предварительных дефинициях; 2) сконструирована система дефиниций на основе тех семантических отношений, которые выявлены в процессе создания систематизированного словника тех терминов, которые его образуют; 3) сконструирована система согласованных терминов, отражающих, в допустимых языком пределах, выявленные семантические отношения и признаки, зафиксированные в дефинициях. Конструируется план содержания и план выражения.

Для конструирования понятийных словарей системного типа должна быть достигнута ясность в том, какие группировки терминологических единиц они содержат и какие типы связей должны быть внутри этих групп и между ними.

Основной единицей лексико-семантической системы нами принимается лексико-семантический вариант слова (ЛСВ), входящий в определенные отношения с однородными ЛСВ других многозначных терминов-слов и терминов-словосочетаний, объединяясь с ними в определенные группы.

В основу выделения типов объединения ЛСВ терминов представляется правильным положить, в первую очередь, признак их принадлежности к одной и той же или к разным частям речи" [Канделаки 1987:84-89].

Предложенная классификация группировок ЛСВ позволяет выделить признаки для построения понятийных терминологических словарей.

С позиций лингвистического конструирования нового лингвистического объекта Ю.Н. Караулов предложил перечень конструктивных лексикографических параметров, которые должны планироваться при создании словарей системного типа: 1. Научная письменная речь. Связный монологический текст с абзацной организацией связи между высказываниями, образующими позиции словаря. Сквозная нумерация абзацев. 2. Терминологический параметр. 3. Однозначность терминов. 4. Ономаσιологический параметр. 5. ЛСВ определенной части речи - в данном случае - существительных и субстантивных словосочетаний (без глаголов). 6. Ситуативные объединения с системными связями между ЛСВ, включающие: 1) тематические группы ЛСВ, 2) лексико-семантические группы ЛСВ. 7. Семантизация - дефиниции и рисунки. 8. Нормативный параметр. Стилистический параметр. Рекомендуемые термины и нерекондуемые термины (дублеты и варианты). Термины - краткие формы. Символы. Буквенные обозначения. 9. Иностранные эквиваленты. 10. Алфавитные указатели на всех языках системного словаря.

Под конструктивными понимаются параметры, требующие для своей обработки построения специальных эвристик. Как правило, эти параметры, включающие в себя семантический компонент - словообразовательный, синтагматический (свободная и связанная сочетаемость), ассоциативный, лингвострановедческий, терминологический, параметр словоизменения (склонения, спряжения, степеней сравнения, наклонения) и другие, и потому как бы подразумевающие присутствие человеческого фактора [Караулов 1981:137].

Программы поиска, создания, загрузки и параметризации лексической базы данных написаны на PERL (Practical Extraction and Report Language - практический язык для извлечения данных и составления отчетов) и PHP (Preprocessor of Home Pages - препроцессор гипертекста - язык программирования, созданный для генерации HTML-страниц на веб-сервере и работы с базами данных) с использованием SQL (Structured Query Language - язык структурированных запросов - универсальный компьютерный язык, применяемый для создания, модификации и управления данными в реляционных базах данных). А). Первая программа `searcher_word` позволяет искать искомую лексему в загруженных словарях (словниках, справочниках, глоссариях и энциклопедиях) разными способами: а) «целиком слово» (заголовок словарной статьи, черное слово, лемма, вокабула), б) как «часть слова» (фрагмент словоформы, однако с учетом - где будет осуществляться поиск – только по заголовкам словарных статей и/или и в зоне толкования), и в) в «области значения ЛСВ вокабул» (толкование - т.е. в правой части словарной статьи, определение, дефиниция). Сузить объем результатов поиска помогает выбор группы лексических источников: 1) словники; 2) толковые; 3) синонимы; 4) говоры; 5) жаргоны; 6) энциклопедии; 7) ГИЗАУРУС (гипертекстовый тезаурус)-термины; 8) разные. Б). Программа `searcher_synonym` позволяет искать синонимы для введенной леммы в словарях синонимов русского языка, загруженных в словарную базу данных (информация о количестве

словарных статей отображается на экране). При этом также, как и в программе `searcher_word`, можно выбрать уточняющие параметры поиска: а) «целиком слово», б) как «часть слова». Параметр «толкование» и выбор одной из групп словарей не доступны. Каждый найденный синоним в свою очередь фактически является контекстной ссылкой (т.е. выделенная лексема и будет очередным уже заданным запросом при активизации гиперссылки) на программу `searcher_word`, при помощи которой и возможно узнать значение соответствующего синонима. Причем в этом случае "по умолчанию" значение синонима ищется во всех словарях как «часть слова». В дальнейшем предполагается автоматизированное построение синонимических рядов, прежде всего, прямых синонимов - лексических единиц, которые максимально близки или совпадают по значению. Критерием близости предполагается свойство взаимозаменяемости лексических единиц в реальных тематических контекстах с учетом абсолютной и относительной частотности. В). Программа `searcher_index` не содержит параметров поиска (переключателей и меню выбора) и позволяет осуществить глобальный поиск по генеральному словнику русского языка. В генеральный словник включены вокабулы (заголовки словарных статей) с указанием, в каких словарях можно найти информацию о том или ином слове. В генеральный словник включена информация не столько по электронным версиям (которые загружены в словарную базу данных, т.к. такие вокабулы и так найдутся по запросу а) «целиком слово»), а, прежде всего, словники книжных (бумажных) словарей и словники с других словарных порталов. По числовому коду словаря выдается библиография к исходному словарю и гиперссылки соответствующих источников.

Идея Генерального словника русского языка восходит к научной программе "Машинный фонд русского языка /МФРЯ/" (главный конструктор Владислав Митрофанович Андриющенко): первым компонентом МФРЯ "является Генеральный словник русских словарей, который может быть создан как семейство однородных баз данных на основе Сводного словника, созданного в Словарном секторе Института русского языка АН СССР, и других "словнико-подобных" словарей, таких, как "Грамматический словарь русского языка" А.А. Зализняка, Орфографический словарь и др. Объектом хранения в этой базе данных является вокабула, т.е. слово, являющееся потенциальным заголовком какой-либо словарной статьи и именем определенного лексического значения, а его атрибутами – номера или идентификаторы значений, а значениями атрибутов - имена и входы баз данных, в которых данное слово или его формы зафиксированы в качестве значений атрибутов каких-либо объектов – словарных статей, текстов, грамматических правил, статистических сводок, научных статей и т.п. Очевидно, что многоаспектный поиск по заданным значениям атрибутов с соответствующими логическими условиями может давать ответы на такие запросы, как: "Найти перечень словарных статей определенных словарей, для которых имеется информация в терминологической базе данных", "Найти значения вокабулы, стилистически маркированные в словарях", "Найти все глаголы с дефектными парадигмами и сопоставить структуры их словарных статей" и т.п." [Андриющенко 1986:31]. В

1987-1991гг. в отделе МФРЯ был сделан вариант генерального словника (небольшой фрагмент от А до П в формате для ЕС ЭВМ нам был доступен).

Основными моментами архитектуры ИПТ, на наш взгляд, должны стать: 1) реализация распределенной модели поиска (т.е. с учетом информации из внешних, сторонних лексических баз); 2) переход от модели «один поиск на всех» к модели персонального, параметрического, многоаспектного поиска; 3) при поиске учет критериев релевантности и пертинентности; 4) переход от поиска только текстовой информации к распознаванию и поиску мультимедийной информации (изображения, анимация, озвучание и видеофрагменты в виде иллюстраций к соответствующим вокабулам).

Блок отношений единства (грамматика)

Множество объектов материального и материально представимого мира, отражаемых в нашем сознании, связаны друг с другом различными отношениями. При двух полярных типах отношений - единстве и противоположности - между ними находится огромная гамма переходов от одного свойства к другому. Языковые отношения единства, рассмотренные в соответствующей главе, служат базой для упаковки знаний о мире аналогичным способом - в виде октетов или других связных структур расширенного типа, использующих код Грея. Знания же в специальных предметных областях очень часто представляют собой иерархонеиерархические структуры различных типов (линейные, матрешечные, матричные и т.п.). Достоинством такого рода кодирования семантических отношений-связей является то, что при четко определенных признаках всегда можно построить систему с конечным числом состояний и путей перехода от одной подсистемы к другой. Изоморфизм такого рода переходов в живой природе (биология) и в языке-системе на уровне отношений единства дает возможность считать, что данная структура должна хорошо работать. Отметим, что подобная октетная структура использовалась частично при обработке, хранении и поиске информации [Сэлтон 1973:252-276], при создании автоматных таблиц и автоматных графов [Поспелов 1982:76-79], в качестве классификатора-эталона меры общности [Поспелов 1986:206-209].

Блок законов композиции (синтаксис)

Этот блок содержит данные о ядерном синтаксисе на уровне моделей и модификаций. Список моделей будет значительно меньшим, чем список модификаций. При наличии нескольких сотен ядерных моделей и таких множеств модификаций задача формализации ядерного синтаксиса может быть решена только при помощи современных суперкомпьютеров. При этом ядерные законы задаются декартовым произведением, создающим блочную матрицу, а такая матрица, по мнению Х.Д. Икрамова, имеет преимущество перед ленточными и профильными методами, т.к. существует специальный блочный алгоритм.: «...при больших n блочный подход позволяет существенный выигрыш и памяти, и вычислительной работы» [Икрамов 1989]. Кроме законов композиции, в этом блоке будут правила расширения ядерных

композиций до цепочек достаточно произвольной длины. Предполагается в виде подблока структура соотносимых моделей или модификаций. «В классической трактовке, восходящей к З.Хэррису, трансформация - это такое преобразование одного предложения в другое, при котором производное предложение тождественно исходному по набору лексем и эквивалентно ему по смыслу. Таким образом, предложения, находящиеся в отношении трансформации, имеют различный грамматический (формальный) статус, но одинаковый лексический статус и выражают одну и ту же комбинацию элементарных смыслов» [Храковский 1973:489].

Блок системокодов (базисные функции, семантика)

Функция системокодов вполне определенная: обслуживаются три вышеописанных блока - словарь, отношения единства и законы композиции. К системокодам предъявляются требования однозначности конкретной кодировки, сопряженности, информативности и оптимальности. Но оптимальность не должна быть самоцелью, более длинный код, работающий с большей точностью, предпочтительнее короткого, но менее точного [Карпов 1992].

Блок «вопрос-ответ»

В этом блоке содержится информация лингвистического плана, необходимая для декодирования вопросов и формирования ответа на вопрос пользователя, другими словами - подсистема, отвечающая за диалог. Здесь предусматриваются программы и подпрограммы лингвистического преобразования вопроса большей длины в вопрос меньшей длины и соответствующие длине вопроса ответы. Анализ множества композиций различной длины показал, что при достаточно ограниченном пространстве вопросительных операторов типа кто, что, зачем, куда и т. п. и при синонимичном характере вопросительных структур имеется вполне компактное число структур, следующих за вопросительным оператором [Карпов 1992].

Блок сценариев

Сценарии могут быть различного типа - от перечислительного, где имеется некоторое подмножество словаря и список операций над словарем, до сценариев в смысле В.Я. Проппа [Пропп 1969], имеющих значительные разрешающие возможности в плане формализации множества производственных и иных ситуаций с помощью специального сценарного кода, который может фундироваться на одном из лингвистических системокодов. Выявление своего рода повторяющихся «блоков» в сценариях может позволить комбинаторику уже на более высоком уровне. Не исключена возможность совместимости наших системокодов с модификациями УСК (универсальный семантический код [Мартынов 1977; 1984]), а также с языком ситуационного управления [Поспелов 1986].

Блок «Свод всемирной литературы»

«Свод всемирной литературы» в форме базы знаний предполагает как использование в виде источника наиболее общих знаний, так и специальные знания в виде различного рода художественных, учебных и др. текстов, списков (объектов, их свойств, свойств этих свойств, причинно-следственных связей и отношений между объектами, аксиом и теорем конкретной предметной области). Кроме списков и индексов, такая база знаний должна содержать и множества текстов, таблиц, матриц, являющихся ее существенными дополнениями. Списки объектов и их свойств представляют собой своего рода концепции. При создании базы знаний важным является количественно-качественный аспект упаковки знаний. При наличии на сегодня двух типов знаний - декларативного и продукционного - стратегия должна ориентироваться на то, что без декларации некоторого количества исходных знаний продуцирование невозможно; это, в свою очередь, толкает на минимизацию декларативных знаний и максимум продуцирования на их базе.

Сейчас в русскоязычной части Интернета существуют сотни библиотек. Краткое описание некоторых наиболее интересных (на наш взгляд) электронных библиотек размещено на сайтах <http://lsw.ru> и <http://ЛСВ.РФ>.

Основные недостатки существующих электронных библиотек и коллекций текстовых баз данных на компакт-дисках: - ошибки в текстах (главным образом из-за сканирования и распознавания); - документы в различных кодировках; - отсутствие единого стандарта оформления; - произведения из одной серии (цикла) объединены в один файл, причем в произвольном порядке.

Достоинства таких электронных библиотек: - огромное количество произведений разных авторов; - допустим расширенный поиск не только по каталогу (как это было в традиционной книжной форме – автор, название, выходные данные, аннотация, реферат и ключевые слова, раздел, тематика), но и по содержанию произведений; - возможны самые разнообразные операции цифровой обработки текстовой информации (статистика, проекции, выборки, сопоставительный анализ, конвертирование из текста в аудио, хранение, автоматизированное библиографирование и классификации, распространение).

Эскизно представленные здесь основные блоков компьютерной модели лексической системы русского языка являются чисто лингвистическими, отражающими, прежде всего, лингвистические аспекты проблематики интерактивного взаимодействия системы «человек-компьютер».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андриященко В.М. Концепция и архитектура МФРЯ // МФРЯ: Идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С.26-44.
2. Зайцев Н.Г. Технология обработки данных в языковой форме. Киев: Техника, 1989. 183с.
3. Икрамов Х.Д. Вычислительные методы линейной алгебры // Математика и кибернетика. Вып.2. М.: Физматгиз, 1989. 48 с.
4. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167с.

5. Канделаки Т.Л. Основные группировки терминологических единиц упорядоченных терминологий // ВЯ. 1987. №6. С.84-89.
6. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 368с.
7. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Отв. ред. С.Г.Бархударов. М.: Наука, 1980. 207с.
8. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. (Ассоциативный тезаурус современного русского языка / РАН, ИРЯ им. В. В. Виноградова). Кн.1. Ч.1. М.: Помовский и партнеры, 1994. 224с. Кн.2. Ч.1. М.: ИРЯ, 1994. 358с. Кн.3. Ч.2. 1996. 212с. Кн.4. Ч.2. 1996. 324с. Кн.5. Ч.3. 1998. 204с. Кн.6. Ч.3. 1998. 324с.
9. Карпов В.А. Язык как система. Минск: Выш. шк., 1992. 304с.
10. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720с.
11. Лесников С.В. Словарь русских словарей: более 3500 источников. М.: Азбуковник, 2002. 334с.
12. Мартынов В.В. Семиологические основы информатики. Минск: Наука и техника, 1974. 192с.
13. Мартынов В.В. Категории языка. М.: Наука, 1982. 192с.
14. Мартынов В.В. Основы семантического кодирования: Опыт представления и преобразования знаний. Минск: ЕГУ, 2001. 140с.
15. Мухин О.И. Моделирование систем: Искусственный интеллект. <http://stratum.pstu.ac.ru/lectures/Kgrafic/html/author.html>
16. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. 304с.
17. Поспелов Д.А. Ситуационное управление: теория и практика. М.: Наука, 1986. 288с.
18. Пропп В.Я. Морфология сказки. / Гос. ин-т истории искусств. Л.: Academia, 1928. 152с.
19. Сэлтон Г. Автоматическая обработка, хранение и поиск информации / Нью-Йорк, 1968, Пер. о англ., под ред. А.И. Китова. М.: Сов. радио, 1973. 580с.
20. Тузов В.А. Математическая модель языка. Л.: ЛНИВЦ АН СССР, 1980. 47с. ЛГУ, 1984. 176с.
21. Тузов В.А. Языки представления знаний. ЛГУ, 1990. 126 с.
22. Тузов В.А. Компьютерная семантика русского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 391с.
23. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. М.: Мысль, 1974. 232с.
24. Урманцев Ю.А. Начала общей теории систем // Системный анализ и научное знание М, 1978. Т.39. С.7-41.
25. Храковский В С Трансформация и деривация // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1973. С.489-507.
26. Шемакин Ю.И. Введение в информатику. М.: Финансы и статистика. 1985. 190с.
27. Шемакин Ю.И. Начала компьютерной лингвистики. М.: МГОУ, Росвузнаука, 1992. 115с.

28. Шемакин Ю.И. Семантика самоорганизующихся систем. М.: Академический проект, 2003. 176с.

29. Шведова Н.Ю. и др. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т.1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). XXV, 807с. Т.2: Имена существительные с конкретным значением. Всё создаваемое руками и умом человека (населённые места, обрабатываемые участки дороги; вещественные продукты труда); организации и учреждения. Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. 2000. XXXII, 762с. Т.3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. 2003. 720с. Т.4: Глагол. 2007. 952с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ СОТРУДНИКОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ УКРАИНЫ

М.В. Маркович

**Начальник пресс-службы - пресс-секретарь начальника отдельного
контрольно-пропускного пункта «Киев»**

Характер изменений нашего общества, задекларированных Украиной, требует коренного реформирования правоохранительных органов, принципов их деятельности и подготовки персонала к выполнению задач служебной деятельности в новых условиях.

Сегодня международное сообщество стоит перед необходимостью принятия решительных мер противодействия международному терроризму, незаконной миграции, торговли людьми, незаконному распространению наркотиков, оружия. В таких условиях исследование различных аспектов служебной коммуникации офицеров-пограничников во время выполнения служебных задач на границе Украины приобретает большую значимость, что определяет актуальность исследования особенностей профессионального общения пограничников во время выполнения профессиональных функций.

Офицерский состав Государственной пограничной службы Украины непосредственно организывает постоянную охрану пограничных участков. От их искусства убеждать и мобилизовать подчиненных зависит успех в выполнении оперативно-служебных задач. Кроме того, на границе первое впечатление представителей иностранных государств об украинском человеке в лице пограничника бывает доминирующим, а культура его поведения часто является критерием оценки страны в целом [Капітанець 2001].

В своей оперативно-служебной деятельности офицеру-пограничнику приходится общаться с представителями разных социальных групп, общей и профессиональной культуры. Именно от коммуникативных способностей пограничников, их знания общих и специфических особенностей профессионального общения, зависит обеспечение гуманистических взаимоотношений в профессиональной деятельности органа охраны границы в целом.

Анализ научной литературы свидетельствует, что много отечественных и зарубежных исследователей (О.Анисимов, В.Барко, Н. Гарбовский, Н.Коломинский, А.Колянов, Кузнецова, Ю.Лысенко, С.Максименко, Л.Рюмшина, Т.Щербан, Т.Яценко и др.) рассматривали особенности профессионального общения. Отдельные аспекты профессионального общения военнослужащих изучали А.Галимов, I.Грязнов, О.Матеюк, Л.Марищук, Б.Олексеенко, Є.Потапчук, О.Сафин и др. Приемы усвоения терминологии представлены в отдельных работах, которые рассматривают профессиональную терминологию (Н.Кострика, Л.Лучкина, В.Михайлюка, Т.Рукаса, Н.Тощкой, Я.Януша). Однако особенности профессионального общения нуждаются в дальнейшем исследовании, в частности это общение во время организации и осуществления оперативно-служебной деятельности в подразделениях органов охраны Государственной границы.

Проблема исследования профессионального общения пограничников имеет важное значение в условиях постепенной интеграции в европейское и мировое сообщество. Для ее решения важным является определение сущности языковой коммуникации, а также выяснение специфики профессионального общения представителей ГПС Украины. Исследование специфики профессиональной коммуникации, поиск ресурсов развития профессиональной компетентности дают возможность избежать коммуникативных конфликтов и достичь успешного и эффективного взаимодействия во время выполнения профессиональных обязанностей.

В связи с расширением международных контактов в профессиональной сфере, исследование профессионального общения в лингвистической науке приобретает новое значение. Феномен профессионального общения исследуется с точки зрения разных научных подходов. Значительный научный интерес вызывают лингвистические исследования, посвященные изучению особенностей профессионального общения правоохранителей.

В лингвистических исследованиях существует много подходов к определению понятия «профессиональная коммуникация». С позиций коммуникативно-информативного подхода этот термин определяется как «коммуникация, в процессе которой конструируются профессиональные сообщества» [Тельчко], как процесс взаимопонимания в определенной предметной сфере и как процесс обмена информацией между специалистами.

В современной лингвистике феномен коммуникации исследуется в рамках изучения дискурса, поэтому профессиональное общение (коммуникацию) нужно рассматривать с учетом дискурсивных характеристик.

Дискурсивный аспект исследования профессионального общения предусматривает определение термина «дискурсивное сообщество», изучением которой занимался американский лингвист Дж. Суейлз. Дискурсивное сообщество разделяет людей на группы по роду занятий (то есть, профессиональной деятельности) или по сферам интересов. Приобщение к этим группам происходит путем обучения или получения соответствующей профессиональной квалификации [Тельчко].

Трудности общения для пограничников состоят: в чрезвычайной широте и многоплановости общения (приходится вступать в контакт с представителями разных возрастных, профессиональных, культурных, этнических групп, а также с лицами, психический состояние которых непредсказуемо); спонтанности, неповторимости общения; общении в неблагоприятных условиях и ситуациях, которое часто имеет вынужденный, а временами навязанный характер, осуществляется в условиях противоборства и несогласия сторон, при дефиците информации и времени; высокой степени конфликтности общения [Кузнецова 2005]. Именно поэтому, в последнее время внимание лингвистов привлекают исследования, направленные на изучение личностно-ориентированного аспекта дискурса, который исследует профессиональную коммуникацию в свете общения профессионального сообщества между ее членами [Гарбовский 1988]. Например, некоторые работы рассматривают профессиональное общение в аспекте коммуникативной ситуации и статусно-ролевых характеристик участников коммуникации, определяют основные характеристики профессионала: наличие специальности, полученной в результате образования, а также официальное занятие практической деятельностью, которая отвечает данной специальности [Винокур 1993].

К профессиональной коммуникации нужно отнести общение между представителями определенной профессиональной группы. Однако профессиональная коммуникация может происходить как в официальных, так и в неофициальных условиях, поэтому и профессиональное общение может охватывать общение профессионалов как с равными себе членами группы, так и профессионалов с непрофессионалами. Таким образом, в профессиональном общении в пределах дискурсивного сообщества учитывается не только коммуникативная ситуация и статусно-ролевые характеристики, а также официальная или неофициальная форма коммуникации [Тельчко].

В исследовании О. Мисечко служебное общение выделено как составляющая профессионального общения пограничников, которая включает в себя общение во время организации и ведения: пограничной службы, пограничного контроля, пограничного поиска, пограничной операции, оперативно-розыскной деятельности и боя. Служебное общение – это процесс взаимосвязи и взаимодействия лиц, в котором происходит обмен информацией и опытом во время выполнения служебных задач по охране государственной границы Украины, который направлен на достижение определенного результата, решение конкретной служебной задачи и реализацию соответствующей цели [Мисечко 2006].

О. Мисечко также определил основные формы служебного общения и их составляющие: повседневное служебное общение (общение во время пограничной службы и пограничного контроля); служебное общение в экстремальных условиях (общение в условиях пограничного поиска, пограничной операции, оперативно-розыскной деятельности, общение в условиях предконфликтной и конфликтной ситуаций, общение с задержанными лицами, общение во время ведения боя); специфическое общение (общение во время пограничных представительских встреч, выступления по радио и телевидению, общение по телефону, служебная переписка); невербальное служебное общение (визуальный контакт, жесты, мимика, пантомимика) [Капітанець 2001].

Актуальной также остается проблема межпрофессиональной коммуникации, поскольку узкая профессиональная специализация все больше уступает место интеграции, межпрофессиональным связям. Деятельность представителя ГПС Украины не является закрытой и изолированной, эффективное решение большинства профессиональных задач офицера-пограничника невозможно без использования информации из других профессиональных сфер, другого взгляда, другого мышления. В наше время специалисты, работающие в одной области, с одним объектом, для успешного сотрудничества должны быть открытыми, готовыми к расширению поля предметного мышления. Понятие профессиональной компетентности должно включать такую характеристику, как открытость разным контекстам мышления [Бондаренко 2004].

Общение является сложным, многоплановым процессом налаживания и развития контактов между людьми, оно определяется нуждами общественной деятельности и содержит обмен информацией, использование единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека. В рамках системного подхода выделяют ряд таких близких понятий профессионального общения, как субъекты общения, то есть специалисты определенной области знаний, профессиональный код, профессиональная компетентность, условия профессиональной деятельности, цель, предмет, задача профессиональной деятельности, иерархическая подчиненность, наличие профессиональных уставных взаимодействий. Профессиональное общение, как правило, рассматривают в трех аспектах: коммуникативном, интерактивном, перцептивном [Волобуева 2006:6].

Коммуникативное поведение офицера-пограничника также целесообразно рассматривать в контексте общения с пересекающими государственную границу представителями других стран. В частности С. Капітанець подчеркивает, что важной составляющей профессиональной готовности офицеров-пограничников к продуктивному выполнению служебных функций является сформированность стиля профессионального общения. Именно стиль общения, по ее мнению, как интегративная характеристика личности офицера-пограничника считается важным фактором успешности его профессиональной деятельности [Капітанець 2001:5].

Каждая сфера общения вырабатывает свои относительно стойкие типы высказываний, которые и являются реальной единицей речевого общения. Высказывание имеет четкие границы, характеризуется специфичной завершенностью, предметно-смысловой завершенностью, осуществленностью языкового замысла и стойкими типами жанровых форм, имеет композиционно-стилистические особенности, обусловленные предметно-смысловым содержанием и экспрессивной окраской, имеет автора и адресата. Границы каждого высказывания определяются изменением языковых субъектов. Критерием завершенности является возможность ответить на него, занять соответствующую позицию.

В перечне должностных обязанностей военнослужащих пунктов пропуска через границу указано, что военнослужащие должны хорошо знать психологию поведения, ухищрения и приемы лиц, которые пересекают границу, уметь выявлять, в том числе и по отдельным признакам, нарушителей государственной границы, террористов, наркочиллеров и тех лиц, которые своими действиями могут нанести ущерб экономическим, политическим и другим интересам государства [Закон 2003].

Б.Ерошин, анализируя общие обязанности должностных лиц отделения пограничного контроля, подчеркивает, что офицер-пограничник контрольно-пропускного пункта согласно предоставленным ему правам должен: 1) защищать политические, экономические и другие интересы Украины, содействовать укреплению ее могущества и авторитета; 2) как официальный представитель государства для лиц, которые пересекают государственную границу, своими действиями и манерой поведения вызывать у иностранных граждан уважение к нашей стране и ее людям; 3) безоговорочно выполнять требования законов, Военной присяги и военных уставов Украины; 4) быть дисциплинированным, мужественным и решительным, инициативным и находчивым [Ерошин 1998:5].

Выделяют три главных социальных уровня общения, которые отличаются специфическими нормами и правилами поведения. Во-первых, это общение людей как граждан определенного государства, где отношения регулируются прежде всего правом, которое имеет силу закона (Конституция Украины и другие законодательные акты). Во-вторых, это общение в функционально-ролевой сфере деятельности, где поведение регулируется особыми правилами, которые определяются спецификой определенного вида деятельности, профессии. Например, для контролерского состава эти особые требования изложены в уставах, руководствах, приказах, инструкциях, межгосударственных договорах и соглашениях и т.п. В-третьих, это межличностное общение, которое распространяется на все сферы жизни. На этом уровне отношения регулируются общепринятыми нормами морали, независимо от профессии людей, вида деятельности и т.п. Нормы морали при этом являются внутренней основой поведения человека [Ерошин 1998:23].

Итак, профессиональное общение – это специально организованный на научных началах, управляемый процесс обмена сообщениями, организации взаимопонимания, достижения оптимального взаимодействия в разных видах

деятельности участников профессионально направленной коммуникации. Профессиональное общение является важным для осуществления любого вида деятельности, имеющим отношение к взаимодействию людей, особенно во время осуществления пограничниками оперативно-служебной деятельности.

Таким образом, принимая во внимание, что в научной литературе нет единого понимания сущности профессионального общения, его особенностей и механизмов развития, мы усматриваем необходимость в более детальном рассмотрении этого вида общения в особый период трансформации Государственной пограничной службы Украины в правоохранительный орган специального назначения.

Профессиональное общение военного специалиста должно иметь гуманистическую направленность, выполнять разные функции и являться важной составляющей и необходимым условием эффективности организации и выполнения задач по охране Государственной границы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондаренко О.І. Психологічні особливості професійного спілкування військовослужбовців в особливих умовах діяльності: Дис... канд. психол. наук: 19.00.09 / НАДПС України, Хмельницький, 2004. – 214 с.
2. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
3. Волобуєва О.Ф. Психологічні основи розвитку професійних іншомовних здібностей майбутнього військового професіонала: Монографія. – Хмельницький: Видавництво Національної академії ДПСУ, 2006. – 395 с.
4. Гарбовский Н. К. Профессиональная речь. Сопоставительно-стилистический аспект: на материале французских и русских военных текстов: Автореф. дис... д-ра филол. наук. – М., 1988. – 38 с.
5. Єрошин Б. Ф. Охорона державного кордону на шляхах міжнародних сполучень. Частина II: Підручник. – Хмельницький: Вид-во Академії ПВУ, 1998. – 302 с.
6. Закон України про Державну прикордонну службу України // Голос України. – 6 травня 2003 року.
7. Капітанець С. В. Педагогічні умови формування стилю професійного спілкування у майбутніх офіцерів-прикордонників: Автореф. дис... канд. пед. наук, 20.02.02, НАДПСУ. – Хмельницький, 2001. – 18 с.
8. Кузнецова В. В. Реализация принципа корпоративности в английском групповом профессиональном дискурсе: Дис... канд. филол. наук. – Иркутск, 2005. – 224 с.
9. Мисечко О. В. Педагогічна технологія формування вмій службового спілкування у майбутніх офіцерів-прикордонників: автореф. дис... канд. пед. наук: 13.00.04 / О.В. Мисечко; Нац. акад. держ. прикордон. служби України ім. Б.Хмельницького. — Хмельницький, 2006. — 20 с.
10. Телычко В. Разные подходы к определению профессионального общения [Электронный ресурс] / В. Телычко // Научные записки серия филологические

ЭКСПРЕССИЯ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПУБЛИКАЦИЯХ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Н.В. Саютина

Саратовский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского

Трансформированные фразеологические единицы (ФЕ) многосторонне изучены многими исследователями (А.М. Мелерович, Д.О. Добровольский, В.В. Бойченко, Т.С. Гусейнова, Е.В. Тюменцева и др.), однако до сих пор интерес к данным единицам речи не иссякает, поскольку трансформация фразеологизмов подвержена влиянию целого ряда меняющихся экстралингвистических факторов. Изменения, происходящие при этом в семантике, структуре и сфере функционирования трансформированных фразеологизмов, требуют дальнейшего изучения.

В современной газетной публицистике трансформированные фразеологические единицы служат одним из главных языковых средств усиления экспрессивности текста. Журналист, в зависимости от индивидуальной манеры письма, возлагает на трансформированные фразеологизмы большую или меньшую нагрузку по усилению экспрессии текста, использует их в качестве инструмента для создания различных стилистических эффектов.

В данной статье ставится *задача* рассмотреть особенности использования трансформированных фразеологизмов как средства усиления экспрессии в публикациях отдельных журналистов.

Материал для анализа в объеме 200 трансформированных ФЕ отобран из публикаций В. Костикова (АиФ), М. Соколова (Известия), И. Петровской (Известия) за 2007–2010 гг. Все журналисты работают в аналитических и художественно-публицистических жанрах, для которых характерна повышенная экспрессивность, аналитичность, оценочность и сатиричность повествования, что на уровне языка проявляется в насыщенности текста образными средствами.

С опорой на классификацию способов преобразований фразеологизмов А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [Мелерович 2005:17] были проанализированы фразеологизмы, трансформированные структурно-семантическими способами. Данные способы авторы делят на трансформации, не приводящие к нарушению тождества фразеологизмов (расширение компонентного состава, замена компонентов, синтаксическая инверсия, морфологические и синтаксические трансформации и др.) и трансформации, в результате которых образуются окказиональные (индивидуально-авторские) слова, фразеологизмы и авторские афоризмы, для которых характерно сильное

нарушение деривационной модели. Последние предполагают, на наш взгляд, проявление наибольшего творческого мастерства публициста.

Усиление экспрессивности фразеологизма может достигаться за счет выбора для трансформации наиболее экспрессивных фразеологизмов, использования определенных способов трансформации, а также умения журналиста творчески обработать фразеологизм в зависимости от стилистической задачи.

Среди преобразований, приводящих к возникновению окказиональных ФЕ, в публикациях В. Костикова наиболее часто используется вычленение из состава устойчивых сочетаний. Именно данный способ помогает журналисту создавать особо яркие окказионализмы. Например:

Платок на русский роток (Заголовок)

Непослушный роток (Промежуточный заголовок)

*Но не зря же даже у нас, в России, с ее традициями «держат и не пущат» издавна бытовала поговорка: «На каждый роток не накинешь платок». По ходу развития коммуникативных технологий и постепенного исчезновения страха и умиления перед властью **накидывать платок на роток** становится все труднее [АиФ 2010].*

В данном примере окказиональные фразеологизмы образованы на основе ключевых компонентов, вычлененных из состава устойчивого сочетания «на чужой (на всякий) роток не накинешь платок». При этом в последующем контексте автором приводится трансформированная фразеологическая единица, наиболее близкая по структуре ее узуальной форме. Это делается с целью донести авторский замысел до читателей с разной языковой компетенцией, поскольку исходная форма фразеологизма не всегда может быть хорошо знакома.

В другом примере обыгрывается известный и широко употребляемый в России афоризм: «В России две беды – дураки и дороги». Известность данного устойчивого сочетания позволяет автору не вводить в контекст его узуальные или близкие к ним формы:

*Страна изнывает от жары. Хочется воды, а не политики. Не хочется говорить о засухе, неурожая, о коррупции. Не хочется вспоминать о «Распадской», о **плохих дорогах и политических дураках**. Хочется хороших летних новостей. И похоже, что власть уловила эту потребность. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) выдала перегретому народу щедрую порцию пенящегося политического кваса... [АиФ 2010].*

Как видно из этих двух примеров, наибольшая экспрессия достигается путем насыщения контекста несколькими преобразованными фразеологизмами, а также словами-актуализаторами, семантизирующими окказиональное значение фразеологизма.

Яркие окказионализмы в публикациях В. Костикова образованы построением по модели устойчивых сочетаний (*...и святые довольны, и грешники сыты; ...походится друг на друга как затертые монеты*), путем

образования окказиональных слов на основе фразеологической единицы (*шапкозакидательство*).

Экспрессия текста усиливается при использовании трансформированных фразеологизмов в сильной позиции текста – заголовке (7.1%) (*Патока в кисельных берегах*). 12.5% трансформированных фразеологических единиц представляют собой общеупотребительные пословицы, поговорки, крылатые выражения и афоризмы. Данные единицы содержат в себе высокую степень оценочности и экспрессивности, рассчитаны на быструю узнаваемость в трансформированном виде.

Работая в жанре фельетона, В. Костиков стремится к усилению экспрессии фразеологизмов с целью выражения с их помощью оценочности и достижения сатирического эффекта. Характеризуя стилевую манеру журналиста с точки зрения использования им индивидуально-авторских фразеологических единиц, можно отметить, что трансформация фразеологизмов является для В. Костикова важным средством усиления экспрессии текста. При этом структурно-семантические трансформации независимо от нарушения тождества фразеологических единиц в равной степени способны приводить к образованию экспрессивных фразеологизмов. Сравним:

Когда свет демократии в конце стабилизационного тоннеля становится похожим на мерцание церковной свечи, несколько отчаянных ребят выходят с ритуальной молитвой о свободе на Триумфальную площадь [АиФ 2010]. Фразеологизм «свет в конце тоннеля» трансформирован путем расширения компонентного состава, не приводящего к нарушению тождества фразеологизмов. В сочетании с прямой актуализацией значения компонента «свет» в контексте трансформация приводит к усилению экспрессивности фразеологизма и текста.

Анализ стилистических оттенков трансформированных ФЕ в публикациях В. Костикова показал, что 21.4% фразеологизмов содержат словарную помету «экспрес.», 8.9% - помету «ирон.», 3.6% - «груб.», «пренебр.». Это свидетельствует о целенаправленном выборе для трансформирования особо экспрессивных фразеологизмов.

Трансформированная фразеология в публикациях М. Соколова служит не только усилению экспрессивности, оценочности и сатирического звучания, но и способствует интеллектуализации текста. Журналист несколько чаще, чем В. Костиков обращается к созданию авторских окказионализмов, при этом большая их часть образована путем изменения категориального значения и вычленения из состава устойчивых сочетаний. Преобразование категориального значения происходит путем образования субстантивных фразеологизмов от глагольных фразеологизмов (*закручивание гаек; отрясение праха*). Образование окказионализмов затрагивает в первую очередь собственно фразеологизмы. В целом стилевая манера М. Соколова характеризуется насыщенностью публикаций пословицами, поговорками, крылатыми словами и выражениями (36.4%), но основная их часть

трансформирована с помощью способов, не приводящих к нарушению тождества фразеологических единиц.

Преобразование категориального значения ФЕ служит оживлению образности привычных фразеологизмов, однако не приводит к созданию особо экспрессивных окказионализмов (за исключением случаев сочетания с другими способами трансформации). В большей степени экспрессия усиливается при вычленении из состава устойчивого сочетания и контаминации фразеологизмов:

Контора по постановке рогов и копыт (Заголовок)

*К числу самых диковинных попыток компромата можно отнести публикацию во французской прессе записок галлочекиста Бертрана, некогда возглавлявшего тайную полицию, а теперь решившего рассказать согражданам, как в 2004 г. будущий президент республики Н. Саркози **наставил рога** своему коллеге по кабинету министров [Известия 2008].*

Контаминация фразеологизмов «рога и копыта» и «наставлять рога» в совокупности с заменой компонента фразеологизма и преобразованием категориального значения создает яркий окказионализм, наполняющий текст сатирическим звучанием.

Несмотря на наличие некоторого количества особо экспрессивных окказионализмов, основная нагрузка по усилению экспрессии ложится на фразеологизмы, трансформации которых не приводят к нарушению тождества фразеологизмов (замена компонента, расширение компонентного состава, использование отдельных компонентов, выражающих элементы фразеологического значения и др.). Например:

*...Маккейн рассудил, что, с другой стороны, **курочка по зернышку клюет**, и тоже взялся за подрыв обычаев, решив по обамину примеру «**клевать**», где только можно, не обинуясь малостью сумм [Известия 2008].* Экспрессия текста усиливается благодаря трансформации пословицы «курочка (курица) по зернышку клюет, да сыта бывает» путем сокращения компонентного состава, а также использования в контексте компонента «клевать», выражающего элемент фразеологического значения.

Стилистические оттенки трансформированных фразеологизмов в публикациях М. Соколова свидетельствует о меньшей степени экспрессивности фразеологизмов, чем в публикациях В. Костикова. Так помету «экспрес.» содержит только 7.3% фразеологизмов, «ирон.» - 5.5%, «неодобр.» - 3.6%. В то же время наблюдается преобладание фразеологизмов с книжной стилистической окраской, что говорит об отличной от манеры В. Костикова тенденции письма, направленной в большей степени на интеллектуализацию текста. Экспрессия в публикациях М. Соколова имеет, скорее, форму сдержанного доказательства, она не так сильно ориентирована на жесткую критику власти, как это происходит в публикациях В. Костикова, прибегающего порой к довольно язвительному описанию.

Публикации телекритика И. Петровской содержат множество экспрессивных трансформированных фразеологизмов. Количество

индивидуально-авторских фразеологизмов гораздо меньше, чем у двух других журналистов, однако все они отличаются высокой степенью экспрессивности:

*Для тех же, кому надо все **разжевывать и вкладывать в заранее открытый рот**, подойдет «Поединок» на канале «Россия» [Известия 2010].* Окказиональный фразеологизм образован на основе фразеологизма «разжевывать и [да] в рот класть»;

*А потом этот **волк [Лукашенко – Н.С.], сколько его ни кормили, сбросил овечью шкуру и вовсе стал поглядывать в сторону леса, то есть Европы – в надежде на новые кредиты и инвестиции** [Известия 2010].* Окказионализм создан контаминацией фразеологизмов «волк в овечьей шкуре» и «как (сколько) волка ни корми, <a> он все в лес глядит (смотрит)».

Структурно-семантические трансформации, не нарушающие тождества фразеологизмов, также приводят к образованию ярких фразеологизмов:

*И что же тогда **на молодых кинематографистов пенять, коль рожа общества настолько крива?** Они лишь в доступной им форме отражают эту кривизну! Смею утверждать: да, некоторые **искривления** наблюдаются, но не в таких катастрофических масштабах. Смею даже предположить – **не кривее, чем всюду** [Известия 2010].* Экспрессия текста усиливается благодаря трансформации фразеологизма «Нечего (неча) на зеркало пенять, коли рожа крива» путем использования отдельных компонентов, выражающих элементы фразеологического значения. Этот способ трансформации в публикациях И. Петровской не менее употребителен, чем замена компонента и расширение компонентного состава ФЕ.

Схожесть манеры изложения И. Петровской и М. Соколова заключается в употреблении большого числа фразеологических выражений (74.2%) и прецедентных текстов, с В. Костиковым журналиста роднит более жёсткая сатира и настойчивость в выражении критического мнения.

Стремление журналиста сделать газетный текст, с присущей ему оценочностью, наиболее экспрессивным чревато, с одной стороны, ощущением сниженности звучания, а порой даже грубости, с другой - с возникновением штампов, что можно наблюдать на примере трансформированной фразеологии в публикациях российских журналистов. Так некоторые трансформированные фразеологизмы, в силу своего частого использования, становятся предсказуемыми в текстах определенного автора, теряют новизну звучания даже при использовании различных способов преобразования. Примером могут служить такие фразеологизмы, как «показать кузькину мать», «В России две беды – дураки и дороги» в публикациях В. Костикова, крылатые выражения «А король-то голый!», «Гений и злодейство/две вещи несовместные» в публикациях И. Петровской. Сравним: *показать кузькину мать с ракетой, получить «кузькину мать», показать очередную «кузькину мать»; ТВ и церковь – две вещи несовместные, гений – это одно, а человеческий поступок – другое, любовь и злодейство – две вещи несовместные, не злодей, но и не гений.*

В публикациях В. Костикова можно встретить примеры повышения экспрессивности текста с помощью сниженной лексики. Например: ***Чиновничий хрен оказывается не слаще олигархической редьки; перед***

выборами как грибы после дождя плодятся партии «народолюбия» (В. Костиков). Примеры подобного рода показывают, насколько тонка грань между необходимым и чрезмерным усилением экспрессии.

Проведенный анализ показал, как по-разному журналисты используют трансформацию фразеологизмов с целью повышения экспрессивности газетных публикаций. В зависимости от стилевой манеры журналиста, экспрессия может достигаться как за счет использования преимущественно одного типа структурно-семантических трансформаций, как, например, трансформаций, не приводящих к нарушению тождества фразеологизмов, в статьях М. Соколова, так и за счет использования обоих типов трансформаций, что наблюдается в публикациях В. Костикова и И. Петровской. Различия могут заключаться в выборе структурно-семантических типов фразеологизмов, а также в использовании фразеологических единиц с определенными стилистическими оттенками. Каким бы образом журналист ни использовал трансформацию фразеологизмов с целью повышения экспрессии текста, важно, чтобы она была оправдана и не выходила за рамки, диктуемые жанрами газетной публицистики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мелерович А.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – 2-е изд., стер. – М., 2005.- 853 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ПОСЛОВИЦ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА (лингвокультурологический аспект)

Сулаева Ж.А.

Дагестанский государственный технический университет

Интенсивное развитие паремиологии за последние годы выдвинуло много разнообразных проблем. С одной стороны, задачей паремиологов является описание пословичного материала отдельных языков с акцентом на их специфические особенности, с другой – все большее значение приобретает когнитивное изучение пословичных систем разных языков. Именно последний – когнитивный аспект изучения пословичного фонда несомненно представляет собой большой интерес как для разработки общей теории паремиологии, так и для изучения отличительных признаков изучаемого языка. Лингвистическому изучению подвергаются пословичные фонды языков. Результаты исследований свидетельствуют о том, что изучение всей пословичной системы может быть успешным лишь при тщательном анализе составляющих ее концептов.

Язык, являясь важнейшим средством человеческого общения, орудием передачи мыслей, одновременно выступает в качестве зеркала национальной культуры, ее хранителя. Язык – это медаль, отчеканенная историей. Языковые единицы, прежде всего слова, фиксируют содержание, которое в той или иной

мере восходит к условиям жизни народа - носителя языка. Существует непреложная истина: абсолютно все, что представлено в языках мира - от мелкой частицы до сложного предложения и многих тысяч самых различных слов, - создано человеком.

"Человечность" отдельно взятого языка, в данном случае кумыкского, имеет свои специфические особенности, обусловленные тем своеобразием, чем отличается именно кумыкский этнос, его этнокультура, история от аналогичных этнодифференцирующих компонентов, принадлежащих другим этносам. Этническая характеристика типичного представителя кумыкского этноса, оказывается, в определенной степени приложимой и к его языку. В пословицах и поговорках кумыкского языка отражается картина мира древнего кумыка: его мировидение, этика, оценки, принятые в этом этносе, образы мышления, ценности... вплоть до своеобразия окружающей его природы. Да и природа определенно влияет на структуру и семантику языка, на лексику и фразеологию его, на паремии и все виды фольклорных жанров. Реалии языка, особенно языка фольклора, создают национальный образ мира, который понимается как диктат национальной природы в культуре.

Мы делаем попытку прочесть влияние диктата национальной природы в культуре и в духе своего родного языка, в духовности своего народа, которая прежде всего сохранилась в Слове, также, как у любого из дагестанских народов, не располагающих древними письменными памятниками. Устное слово народа, произведения фольклора – вот основные и бесценные памятники нашей истории, нашей духовности, нашего менталитета.

Национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях языка: в грамматике, синтаксисе, фонетике. Но наиболее ярко она проявляется в образных словах, фразеологизмах и паремиях. Существуют достаточно общие принципы, в соответствии с которыми сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях. И, таким образом, отдельные единицы языка со временем превратились в ключевые культурные концепты, в которых актуализируется этнический менталитет и консервируются особенности стиля мышления кумыков как образа культуры, являющегося одним из аспектов духовной жизни. Национальное своеобразие кумыкского слова, образного выражения проявляется не только в семантике самих языковых единиц, сколько в их внутренней форме – фразеологических и других образах, исторически, этнографически или с других не менее важных позиций кумыкской духовности или менталитета, мотивирующих эту семантику.

Наблюдения позволяют заключить, что многие из культурных кумыкских ключевых концептов, уникальны. Важно, что кумыкский материал хорошо апплицируется на дагестанские ключевые концепты. Много аналогий в наших языках. И они не случайны. Есть все основания предположить наличие общекавказского, единого в своей основе концептуального фонда культуры – слишком много принципиально общего в духовном менталитете, в картине мира кавказских и тюркских народов. Общее особенно хорошо

просматривается в наиболее древних концептах, а именно в их внутренней форме, в их мотивировке. Формальные внешние проявления многообразны, а уникальность и общекавказская общность действительно законсервирована в самых различных формах вербальных единиц наших языков. В тех случаях, когда структура концептуального образа связана с какой-то национальной реалией, в ней обязательно обнаруживается печать национальной самобытности.

Реконструкция картины мира малых этносов обуславливает необходимость обращения к языковым источникам, важнейшими из которых являются малые формы фольклора.

Установление генетического значения ряда уникальных идиоматических образований обречено на неудачу, если не выходить за пределы замкнутой системы языка в мир лингвистических понятий - этнографических, исторических, фольклористических. Здесь, естественно, речь идет об идиомах, подверженных полной деактуализации составляющих из-за потери ими сем, легших в основу их метафоризации.

Справедливость этого постулата последовательно подтверждается идиоматичными единицами языка фольклора. Язык фольклора, крупницы лингвистических данных, разбросанных по страницам этнической паремиологии и фразеологии, предоставляют возможность говорить о единой системе языковой картины мира кумыка, о соотношении семантики языковых единиц с "миром вещей". Разнообразные же языковые структуры представлены в этой картине мира как части целого. Закономерности, правила, по которым построены эти структуры, задают парадигматические связи частей национального образа между собой, отражают внутреннюю, глубинную семантику соответствующих представлений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдуллатипов А.Ю. Истории кумыкской литературы. Ч.1. Махачкала, 1994. - 296.
2. Аджиев М. Мы из рода половецкого. Рыбинск, 1992
3. Аджиев А.М. Специфика связи и типология кумыкского песенного фольклора. Махачкала, 1989.
4. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969.
5. Гасанов М.М. Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки. Махачкала. Даг. Учпедгиз, 1971.
6. Гачев Г.Д. Национальные образы мира.- М., 1988.- 448 с.

ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В АСПЕКТЕ ЭМОТИОЛОГИИ

А.И. Цой

Волгоградский институт бизнеса

В современных условиях в бизнес-коммуникации все более отчетливо наблюдается виртуализация и опосредованность общения. На смену очных контактов партнеров приходит переписка, которая выполняет основную функцию обмена информацией в официально-деловом общении, на что указывают исследователи в области коммуникативистики [В.И. Вознесенский, С.П. Кушнерук]. При такой форме общения тексты деловых сообщений в комплексе с экстралингвистическими особенностями и спецификой их подачи персонифицируют партнеров. Особую важность при этом приобретает отбор коммуникативных средств и методов, так как это имеет стратегическое значение.

В связи с этим заслуживает внимание эмотивный компонент в коммуникативной стратегии общения. Проявление эмоциональности в речевом поведении коммуникантов в данном типе общения отличается имплицитным характером, поскольку явное использование эмотивов в деловой речи приводит к трансформации ее в разговорно-бытовую, тем самым нарушая официальность и статусность. Рассмотрим эмотивный компонент деловой переписки на английском языке между российской компанией, выступающей заказчиком проектных работ для крупного объекта строительства, и потенциальным проектировщиком – английской компанией. Первоначально цель партнеров состояла в оформлении договорных отношений и скорейшем начале работ. Обе стороны были заинтересованы в этом, поскольку от этого напрямую зависело получение материальной выгоды.

Для экспликации высокой заинтересованности в скорейшем начале работ проектировщик использует следующие приемы:

1. эпитеты, выполняющие функцию интенсификов и экспрессивов с высокой степенью оценочности и положительной коннотацией (exciting project, significant project, successful project);
2. повторы, фокусирующие внимание или с побудительной функцией (please note that; please can you review and advise; you are likely to be in a position – whether or not you are in a position);
3. побудительные предложения (Please can you confirm; Can you clarify; We would welcome an opportunity; We would very much like to resolve these issues).

Письменная бизнес-коммуникация отличается высокой степенью конвенциональности и регламентированности, то есть четким следованием ряду общепринятых норм и правил. По мнению И.И. Ковалевской, норма вежливости остается характерной для делового письма на протяжении всей его истории [Ковалевская 2006:20]. Это обуславливает наличие постоянных вежливых ритуальных формулировок, повторяющихся в одной и той же ситуации, например, при обращении к адресату (Dear...), установлении контактов, завершении сообщения (Best regards, Regards) и др., которые являются характерным признаком этого вида речевой деятельности.

Норма вежливости реализуется в тесной связи с применением эмотивного потенциала деловой переписки, что проявляется в следующих моментах:

1. подчеркивание определенного отношения для создания положительной тональности адресата (Good morning; I hope you are well; I apologise for; Thank you for your prompt response);

2. указание на предварительный контакт с адресатом (Thank you for your e-mail; In accordance with your e-mail; As per our conversation).

С течением времени и с появлением ряда трудностей с выполнением условий договора цели коммуникантов меняются, а значит, меняются и коммуникативные ходы и вербальные упаковки партнеров. Особенно ярко это прослеживается в речевом поведении проектировщика, так как он преследует цель возмещения понесенных затрат. Им используются следующие приемы:

1. изменение коммуникативной тональности с позитивно-побудительной на информативно-инструктивную. Это проявляется через синтаксическую трансформацию. Позитивно-побудительные предложения (Please note that...; Please can you review and advise...; Please can you advise...) вытесняются информативно-инструктивными предложениями (Due to the inordinate amount of time it is taking to resolve these contractual issues which is becoming a concern to us, I shall also be instructing our accounts department to issue an expense invoice to cover our last two trips to Moscow. We trust that this will be acceptable to you.). Подрядчик эксплицитно выражает свои опасения (which is becoming a concern to us).

2. использование определений с отрицательной коннотацией для оценки незавершенности, затяжного характера действий при подписании договора, что иллюстрирует эмоции недовольства, упрека, раздражения (inordinate amount of time, unnecessary delay, protracted nature of contract discussion, has extended the period of works considerably).

3. аргументация для обоснования намерения адресата (As a result we have already incurred significant costs and expenses beyond those reasonably to be expected and disproportionate to the overall fee value.).

4. имплицитное указание на затянувшийся переговорный процесс. As you will appreciate, I am under mounting pressure that I have already committed a significant amount of time and expense to date against our original fee proposal and would welcome a speedy resolution to this matter so that we may commence with the actual design aspects of the project. Из данного предложения видно, что подрядчик в скрытой форме выражает свое недовольство и раздражение. Данный эффект достигается за счет эмотивных маркеров mounting pressure, significant amount of time and expense, would welcome, speedy resolution.

5. фокусированный повтор для акцентирования внимания и вызывания определенной эмоциональной тональности у адресата. В одном письме повторяются два раза «We have always stated that...», «Regrettably we are unable to proceed without agreement to this fundamental point».

6. использование вводных слов и эмотивных клише для создания желаемого для отправителя настроения у получателя сообщения (regrettably, however, whilst, as you will appreciate).

Указанные приемы оказались правомерными и ситуативно обоснованными, и в целом общение оказалось эффективным для одной из сторон, для подрядчика, которому удалось добиться своей цели - возмещение понесенных затрат.

Участники бизнес-коммуникации, вступая в контакт, преследуют конкретные цели и интересы. Исход коммуникации непременно включает корреляцию интересов коммуникантов. Эти интересы могут совпадать между собой или вступать в противоречие. В первом случае коммуникативный акт требует от его участников минимальных коммуникативных навыков в выборе и осуществлении подходящей стратегии. При несовпадении интересов на исход коммуникации влияет коммуникативная компетентность партнеров. Под коммуникативной компетенцией в данном случае понимается умение верно выстроить высказывание, подобрать соответствующие методы и средства для того, чтобы взаимодействовать с собеседником, склонить его на свою сторону, убедить в силе своих аргументов и добиться осуществления собственных интересов. В этом плане важной составляющей коммуникативной компетенции является ее эмотивный компонент, знание которого позволяет эффективно выстраивать свою коммуникативную позицию, что приводит к положительному исходу коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вознесенский И.В. Импликация неоднозначности в деловой переписке / И.В. Вознесенский // Вестник МГЛУ. М., 2006. Вып. 525.
2. Карабань, Н.А. Категория вежливости в официально-деловых документах (на материале деловых писем). [Текст] / Н.А. Карабань. – Волгоград.: Изд-во ВолГТУ, 2009. – 117 с.
3. Ковалевская И.И. Официально-деловой дискурс в аспекте интересубъективности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2006.
4. Кушнерук, С.П. Современный документный текст: проблемы формирования, развития и состава. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2005. – 337 с.
5. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса / Т.Н. Синеокова. Н.Новгород, 2003.
6. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Изд-во «Гнозис», 2008. – 418 с.
7. Шаховский В.И. Эмоции в деловом общении. : учебное пособие [Текст] / В.И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 1998. – 42 с.

ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ БИЗНЕС-ДОКУМЕНТА (НА ПРИМЕРЕ КОНТРАКТА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

А.И. Цой

Волгоградский институт бизнеса

В данной статье мы обращаем внимание на такой тип профессиональной деловой коммуникации, как бизнес-коммуникация. Под бизнес-коммуникацией мы понимаем диалогическое взаимодействие участников профессиональной бизнес-деятельности, основанное на интересе (получение материальной прибыли или иной выгоды) и организованное в официальной обстановке.

В каждом типе коммуникации степень проявления эмоциональности и эмотивности варьируется в зависимости от жанрово-стилевых установок. Бизнес-коммуникация осуществляется как в устной, так и письменной форме. Устная форма бизнес-общения по сравнению с письменной более эмоциональна, так как эмотивность репрезентируется и вербальными, и невербальными средствами.

Следует отметить, что письменная форма общения в профессиональном бизнесе постепенно претерпевала ряд изменений - от регламентированности и стандартизации в оформлении и содержании к проявлению личностно-творческого потенциала участника коммуникации. Однако творческая составляющая в таком типе коммуникации сводится к минимуму. «Свобода разработчика официально-деловых документных текстов ограничена системой довольно жестких правил, предусмотренных стандартами и унифицирующими документами» [Кушнерук 2005:50].

Проявление личностно-творческого компонента в письменной форме деловой коммуникации тесно связана с проблемой проявления предвзятости и субъективизма в документной коммуникации. С.П. Кушнерук делает вывод, что предвзятость, иногда с элементами агрессии, проявляется в деловых документах в силу информационной недостаточности. Такое явление характерно для текстов таких жанров, как жалобы, записки (объяснительные, докладные), реже в деловых письмах, информационных документах. Автор указывает, что в документном тексте происходит «замена силы аргумента силой эмоций» и это приводит к введению в документы эмоционально окрашенных языковых средств (вульгаризмов, стилистически сниженных лексико-фразеологических единиц). Это явление автор называет «деформализацией деловых коммуникативных отношений» [Кушнерук 2005:123].

В письменной бизнес-коммуникации степень проявления эмоционального / эмотивного компонента напрямую зависит от типа документа: в письмах-жалобах велика степень, в контрактах она сводится к нулю. В связи с этим мы предлагаем типологию бизнес-документов на основе проявления эмотивного компонента и классифицируем их по признаку градации эмотивности. Типологизация бизнес-текстов осуществлялась на методологической основе концепции эмотиологии проф. В.И. Шаховского.

Первую группу составляют документы с нулевой степенью эмотивности или с эмотивными вкраплениями, т.е. тексты, не содержащие прямых аффективов и коннотативов, но обладающие самой минимальной степенью эмотивности. Сюда относятся такие документы, как контракты, договора, соглашения, постановления, приказы, распоряжения, отличающиеся

повышенной степенью официальности. Вторую группу документов составляют претензии, сопроводительные письма, пояснительные записки, характеризующиеся средней степенью официальности и средней степенью эмотивности. Письма-жалобы, письма-поздравления, докладные, объяснительные записки, рекламные письма с сфере бизнеса включены нами в третью группу документов с низкой степенью официальности и высокой степенью эмотивности. Степень эмотивности во всех указанных документах была определена нами по следующим критериям: количественный показатель эмотивов, плотность эмотивов, форма выражения (эксплицитность и имплицитность), набор стилистических средств выражения, рема-тематическое содержание.

Остановимся подробнее на первой группе документов и дадим характеристику понятию «эмотивные вкрапления». В лексико-семантическом плане эмотивность трактуется как «отраженность эмоций в слове, обуславливающая его семантическую способность выражать эмоции, по сравнению с его способностью называть, именовать, описывать их» [Шаховский 2008:69]. Любое слово в языке может быть эмотивным. Под эмотивными вкраплениями мы понимаем оптимально-минимальное использование маркеров имплицитной эмотивности.

Проявление эмотивности напрямую зависит от прагматических установок коммуникантов и от характера самой коммуникативной ситуации. Например, подписанный контракт представляет собой официальный документ в сфере бизнеса, в котором отражен материальный интерес обеих сторон. В контракте не эксплицируется проявление эмоционального отношения коммуникантов, что выражается в отсутствии прямых эмотивных маркеров, эмотивность проявляется в скрытой форме.

В современном исследовании в области англоязычных контрактов отмечается сближение стилистических приемов повторов и параллельных конструкций, которое «производит сильный эффект, выводя на передний план читателей логичность, ритмичные и эмоционально-экспрессивные стороны высказывания» [Агеенко 2010:120]. В этом случае автор рассматривает эмоциональность и экспрессию как средство для привлечения внимания читателей контракта и акцентирования важных моментов документа. Справедливо добавить, что указанные стилистические приемы не только привлекают внимание коммуниканта, но и обладают эмотивной функцией.

В исследуемых нами англоязычных контрактах мы не находим ни одного аффектива или коннотатива (согласно типологии эмотивов В.И. Шаховского). Тон документов сдержанно-нейтральный. Личностно-творческий потенциал коммуниканта сводится к нулю. Однако эмотивный компонент есть, и функционирует он на уровне эмотивных вкраплений в текст. Используются следующие приемы:

1. различные виды повторов. Повторяются такие слова, как «To carry out...», «The price of this CONTRACT ...», «The time of delivery », «The AUTHORITY shall deliver said .... The CUSTOMER shall sign said...»;

2. превосходная степень сравнения «the highest professional standards»;

3. графическое оформление текста. Важные моменты контракта подчеркиваются или выделяются курсивом и жирным цветом.

4. эпитеты «all reasonable expenses», «amicable settlement», «more flexible planning», «reasonable control», «reasonable time»;

5. частое употребление слова «all»;

6. ссылки на внешние факторы, вызывающие те или иные эмоции (как правило в пункте о форс-мажорных обстоятельствах) «acts of God, acts of any government, acts of war (declared or otherwise), hostilities, riot, civil commotion or unrest, military action, insurrection, fire, incendiarism, explosion, embargo, criminal acts of third parties, strikes or other labour disturbances»;

7. количественные числительные «for 3 years», € 30000 , «within 14 days», «100% of an amount», «not more than 20 days », «a late charge of 0.1% per day», «not less than 40 Euro per day», «shall not exceed 10 Euro», «date of payment is 60 (sixty) days»;

Указанные приемы представляют собой маркеры эмотивных вкраплений в текст. В зависимости от коммуникативной ситуации, в которую попадает данный контракт, эти маркеры могут вызывать самые разнообразные эмоции у участников общения, от восхищения и радости до негодования и ярости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеенко Н.В. Особенности синтаксической структуры англоязычного контракта. // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : материалы Междунар. научн. конф., – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. университета, 2010. – С. 119-121.

2. Баско Н.В. Бизнес-коммуникация в аспекте стилистики. – Режим доступа: // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts>.

3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.

4. Кушнерук С.П. Современный документный текст: проблемы формирования, развития и состава. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2005.

5. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса / Т.Н. Синеокова. Н.Новгород, 2003.

6. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Изд-во «Гнозис», 2008. – 418 с.

7. Шаховский В.И. Эмоции в деловом общении. : учебное пособие [Текст] / В.И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 1998. – 42 с.